

К ЧИТАТЕЛЯМ

Уважаемый читатель!

Представляем Вашему вниманию четвертый номер правового журнала «Пролог: журнал о праве / Prologue: Law Journal» (ЭЛ № ФС 77 — 64776) за 2018 год.

На страницах журнала традиционно исследуются актуальные вопросы теории отраслевых юридических наук, а также правоприменительной практики.

В рубрике **Теория и история государства и права** представлены две статьи, посвященные проблемам дефектности нормативных правовых актов, а также правовой природе советских народнохозяйственных планов.

В первой работе анализируются различные точки зрения на качество и дефекты нормативных правовых актов и предлагается понятие базового (сущностного) дефекта нормативного правового акта.

Автор другой статьи исследует проблему неопределенности правового статуса планов и программ социально-экономического развития в отечественной юридической науке и законодательстве и определяет ключевые признаки, позволяющие отнести их к особому виду нормативно-правовых актов

Рубрика **Конституционное право** посвящена анализу социально-правовых конституционных ценностей, связанных с национальной самоидентификацией, этнической принадлежностью граждан и вероисповеданием (отношением к религии) в двух многонациональных, многоконфессиональных, светских государствах — Казахстане и России.

В рамках рубрики **Гражданское право** рассматриваются промежуточные итоги модернизации отечественного корпоративного законодательства, проводимой, в том числе, в рамках обеспечения соблюдения прав третьих лиц при реализации участниками обществ своих корпоративных прав.

Предметом исследования еще одной статьи, размещенной в данной рубрике, являются новые для российского правопорядка правовые конструкции «редомициляция» и «международная компания».

Наконец, третья статья рубрики посвящена исследованию памятников истории и культуры в системе объектов гражданских прав.

В рубрике **Полезное** опубликован подробный обзор тематической направленности диссертационных исследований в области конституционного права, конституционного судебного процесса и муниципального права за последние три года.

Мы приглашаем Вас к активному сотрудничеству и надеемся на конструктивную «обратную» связь. Будем искренне рады общению с Вами!

Редакционная коллегия и редакционный совет.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 34.03
ББК 67.0

Э.И. Девицкий,
*Иркутский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России)
Иркутск, Российская Федерация*

БАЗОВЫЕ ДЕФЕКТЫ КАК ОСНОВА ВЫЯВЛЕНИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ НЕДОСТАТКОВ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве / Prologue: Law Journal. — 2018. — № 4.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2018.4.1.
Дата поступления: 25.11.2018.

АННОТАЦИЯ

Анализируются различные точки зрения на правовое качество и дефекты нормативных правовых актов. Автор приходит к выводу об отсутствии единого подхода в понимании категории «дефект» как в юридической науке, так и в правоприменительной деятельности. Обосновывается взаимосвязь между психологическими особенностями человека и появлением дефектов в праве. Предлагается понятие базового (сущностного) дефекта нормативного правового акта.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Дефекты нормативных правовых актов; качество закона; публичный интерес; частный интерес; юридическая техника.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ

Девицкий Э.И. Базовые дефекты как основа выявления концептуальных недостатков нормативных правовых актов // Пролог: журнал о праве / Prologue: Law Journal. — 2018. — № 4.

E.I. Devitskii,
*Irkutsk Institute (Branch)
All-Russian State University of Justice*

CONSTITUTIVE DEFECTS AS THE BASIS OF IDENTIFYING NORMATIVE LEGAL ACTS CONCEPTUAL SHORTCOMINGS

PUBLICATION DATA

Prologue: Law Journal. — 2018. — № 4.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2018.4.1.
Submission date: 25.11.2018.

ABSTRACT

The article analyses different points of view on the legal quality and defects of normative legal acts. The author comes to the conclusion that there is no unified approach to understanding the categories of «legal quality» and «defect» both in jurisprudence and in law enforcement. The author explains the relationship between the psychological characteristics of a person and the appearance of defects in the law, and presents the concept of the basic (essential) defect of the normative legal act.

ПРОЛОГ:

**ЖУРНАЛ О ПРАВЕ /
PROLOGUE:
LAW JOURNAL**

E.I. Devitskii Constitutive defects as the basis
of identifying normative legal acts conceptual
shortcomings

Девицкий Э.И. Базовые дефекты как основа
выявления концептуальных недостатков
нормативных правовых актов

KEYWORDS

Defects of normative legal acts; legal quality; public interest; private interest; legal technique.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Devitskii E.I. Constitutive defects as the basis of identifying normative legal acts conceptual shortcomings // Prologue: Law Journal. — 2018. — № 4.

Проблема эффективности действия норм права актуализируется всякий раз, когда в своей практической деятельности мы сталкиваемся с различными негативными последствиями их применения. При этом рано или поздно мы задаемся вопросом — что же пошло не так? Почему вот эта норма не работает, а другая применяется совсем не так, как было задумано? Почему определенными правами, закрепленными в соответствующих законах, чаще всего злоупотребляют, а от определенных опять же нормативно закрепленных обязанностей всеми силами стараются уклониться, зачастую безуспешно?

Однако особую актуальность подобные вопросы приобретают тогда, когда бессистемное, ситуативное правотворчество и порождаемое ими несовершенство правоприменения, ставят под сомнение возможности права как основного регулятора общественных отношений [3].

Вопросы качества закона, обеспечения эффективности его воздействия на регулируемые общественные отношения, выявления и устранения дефектов в праве стали предметом исследования как теоретиков права, так и представителей отраслевых юридических наук. Между тем какой-либо целостной, законченной теории и основанной на ней эффективной системы обеспечения качества нормативных правовых актов пока не существует. Объясняется это прежде всего многоаспектностью рассматриваемых явлений.

По мнению С.В. Полениной, качество закона и эффективность законодательства можно рассматривать в трех аспектах: социальном — соответствие социальным реалиям, целям и задачам, поставленным при его принятии; политическом — степень его соответствия общественным потребностям; правовом — рациональность внутренней организации нормы, закона, системы законодательства [20].

Качество закона через совокупность его формальных и содержательных свойств исследует Е.В. Сырых. Формальные свойства (атрибуты) характеризуют закон как источник права. Содержательные свойства определяются как критерии, характеризующие спо-

собность закрепленных законом норм права быть регуляторами общественных отношений. Автор выделяет в содержании закона четыре аспекта: юридический, логический, языковой и социальный. Общими критериями указанных аспектов качества закона являются нормативность, системность, конкретность, полнота, юридическая правильность ненормативных элементов закона, соответствие его содержания правилам и законам логики, простота, краткость, ясность, точность, социальная обусловленность и адекватность способа правового регулирования социальной действительности [25, с. 6-7].

Аналогичного подхода придерживается Т.В. Кашанина, предлагающая следующее определение качества законодательства — внутренне присущая его форме и содержанию совокупность социальных и юридических свойств, обуславливающих пригодность законодательства удовлетворять определенные потребности общества. При этом автор выделяет требования, которым должно отвечать законодательство, чтобы быть качественным: отражение воли государства (соответствие реальным общественным отношениям), стремление к минимальному количеству нормативных правовых актов, стабильность, своевременное обновление, полнота, конкретность и демократичность [9, с. 154-158].

В свою очередь, Н.В. Минюк предлагает рассматривать качество закона как совокупность критериев, составляющих его сущность и уровень совершенства, обеспечивающего реализацию закона в сфере общественных отношений. К числу наиболее существенных критериев (признаков, характеризующих качество закона и факторов, оказывающих на него влияние) автор относит: проектирование идеи закона, состоящее в подготовке его концепции; социально-политические критерии; юридические критерии; критерии, отражающие результаты реализации закона [15, с. 4].

Приоритетными свойствами, характеризующими качество закона, по мнению С.А. Воробьевой, выступают его справедливость и ценность. Справедливость законов проявляется в том, что они позволяют учитывать интересы большинства членов общества, осу-

ществуя сбалансированное распределение благ между различными социальными группами, устанавливают формальное равенство субъектов права. Критерием оценки ценности любого закона как управленческого акта является уровень отражения реальных общественных потребностей. В соответствии с данными критериями автор предлагает выделять общественную, государственную, социальную, правовую (юридическую), теоретическую, практическую, статусную и процедурную (процессуальную) ценность, определяющую качество закона [7, с. 10-11].

Представители отраслевых юридических наук придают категории качество закона более практическое, инструментальное значение.

Так В.В. Игнатенко в зависимости от содержания (предметной наполненности) правовых свойств закона выделяет три относительно самостоятельных вида правового качества закона: качество правовой легальности, инструментально-правовое качество, технико-юридическое качество [8, с. 4].

В свою очередь, К.К. Панько понимает под качеством закона систему необходимых признаков и свойств, присущих ему как эффективно действующему регулятору общественных отношений. При этом в правотворчестве качество законов обеспечивается применением развитой совокупности требований, составляющих законодательную технику [19, с. 5].

Кроме того, В.В. Красинский считает основными признаками качества законов выполнение возложенной на законы роли социальных регуляторов, их принятие с соблюдением установленных процедур в пределах предметов ведения, соответствие конституции и другим законодательным актам, проработанность юридической техники [10, с. 96].

Сразу пять групп критериев качества закона предлагают А.А. Брыжинский и А.А. Лукьянов: технико-юридические критерии (в частности, соответствие нормам законодательной техники); политические критерии (соответствие интересам государства, государственному режиму и т.д.); экономические критерии (ресурсообеспеченность закона, приоритетность затрат на реализацию и т.д.); управленческие критерии (методы реализации закона, соблюдение правил управления, коррупционность и т.д.); социальные критерии (степень соответствия сложившихся общественных отношений и норм права их регламентирующих и т.д.). Тем не менее авторы считают, что технико-юридические критерии качества закона являются наиболее важными [4, с. 71].

Вместе с тем, М.А. Соколова определяет качество как такое состояние нормативного правового акта, при котором соблюдены все требования юридической техники, что обеспечивает его пригодность [23, с. 45]. По мнению автора, наиболее полную и удобную с практической точки зрения классификацию требований юридической техники предлагает Т. В. Кашанина, которая выделяет содержательные правила (правила социальной адекватности), правила логики, языковые правила, структурные правила, формальные (реквизитные) требования и процедурные правила [9, с. 112].

Таким образом, большинство авторов связывают качество закона с соответствием определенным критериям, относящимся к его форме и содержанию, а также с общественно полезными результатами его действия. Тем не менее, приведенные отдельные точки зрения, несмотря на разницу в формулировках, отдают приоритет в понимании качества закона как его соответствия прежде всего правилам юридической техники. При этом социальная составляющая его качества либо упоминается наряду с юридико-техническими критериями, либо вообще включается в их состав.

В результате однозначно оценить качество конкретного нормативного правового акта либо его проекта с использованием обозначенных подходов на практике весьма затруднительно. На наш взгляд, неукоснительное соблюдение законодателем юридической техники даже в самом широком ее толковании не является гарантией качества принимаемых актов. Как справедливо отметил Ю.А. Тихомиров на одной из конференций, качество закона нужно понимать не только с точки зрения его качества как документа, но также в плане оценки того, насколько полно закон решает определенную социальную задачу [26, с. 10]. Если цели принятия закона не соответствуют общественным потребностям, то соблюдение формальных юридико-технических критериев его качества не обеспечат. С этой точки зрения обоснованным является подход к определению качества закона, предложенный В.И. Червонюком. По мнению автора, качество закона представлено двумя взаимосвязанными аспектами: социальным, характеризующим фактическое содержание закона, и специально-юридическим, отражающим качество его юридической формы или адекватность формы фактическому содержанию закона. Определяющее значение все же имеет социальный аспект. Однако и социальные характеристики закона теряют правовое значение, если они не имеют надлежащего оформления [30, с. 491].

ПРОЛОГ:

ЖУРНАЛ О ПРАВЕ /

PROLOGUE:

LAW JOURNAL

За последние четверть века бурного развития законодательства в Российской Федерации накоплен колоссальный объем нормативных правовых актов, что актуализирует проблему оценки качества действующего законодательства.

Для обозначения различного рода недостатков действующих нормативных правовых актов используется категория «дефект». Однако единого подхода к пониманию сущности этого правового явления, его содержательного наполнения, несмотря на имеющиеся исследования отдельных дефектов в отраслевых юридических науках, также не выработано.

Общетеоретическое определение дефекта в праве предлагает Н.В. Сулова — это недостатки юридической формы и содержания действующего права, нормативно-правовых актов и иных юридических документов, юридических фактов и правоотношений, наличие которых препятствует эффективной реализации и применению норм права, а также достижению целей правового регулирования [24, с. 39].

Многими авторами различные аспекты дефектности права, исследуются применительно к таким правовым категориям как правовая пробел, правовая неопределенность, правовая коллизия, юридическая (правотворческая) ошибка [2; 5; 6; 16; 21; 22; 27; 29].

В последние годы проблемы дефектов активно исследуются представителями науки конституционного права. Однако применительно к дефектам нормативных правовых актов однозначных подходов в их понимании также не наблюдается.

Так, по мнению С.А. Авакьяна, дефекты в конституционном праве — категория весьма широкая, они связаны с выбором регулирования, качеством норм и данностью их реализации. Соответственно автор выделяет три группы дефектов: дефекты конституционно-правовых идей; дефекты, связанные с моделью и содержанием акта (дефекты разработки); дефекты правоприменения [1, с. 3-12].

О.Е. Кутафин указывает на спорность рассуждений о дефектах конституционно-правовых идей. Во-первых, непонятно кто определяет дефектность этих идей, а во-вторых, если согласиться с данным утверждением, то в науке конституционного права останутся лишь одни дефективные идеи, поскольку все они в той или иной мере спорны. Другие же дефекты, по его мнению, сводятся к тем или иным недостаткам конституционно-правовых норм [11, с. 620-621].

Между тем, М.С. Матейкович также рассматривает дефект в некоем обобщенном

виде, как такое состояние правовых норм, при котором регулирование общественных отношений нарушает оптимальный баланс интересов общества и государства [14, с. 15]. Поддерживает такую точку зрения и С.И. Цыбуляк, указывая, однако, что в целях исследования данного феномена более важное значение имеет определение дефекта в узком смысле — низкое качество правового регулирования, в силу которого затрудняется применение соответствующих правовых норм, порождаются негативные политические и социально-экономические явления, необоснованно ущемляются личные и общественные интересы. При этом, с учетом характера негативного влияния на содержание правового регулирования, автор также делит дефекты на пробелы в праве, противоречия (коллизии) правовых норм, неопределенность правового регулирования, нарушения требований юридической техники при построении текстов нормативных актов, нерациональное размещение норм в системе права, чрезмерное дублирование правил поведения в актах разной юридической силы, избыточное правовое регулирование [28, с. 12]. Аналогичного подхода к определению дефектов в конституционном праве придерживается и Ж.Е. Овсепян [17, с. 10].

На наш взгляд, на основе приведенных подходов сложно сформулировать однозначные и непротиворечивые критерии дефектности, которые можно было бы применить при оценке конкретного нормативного правового акта. Попытку сформулировать такие критерии предприняла М.А. Соколова, предложившая следующее определение дефекта — несовершенство, состоящее в несоответствии нормативного правового акта одному или нескольким требованиям юридической техники, влекущее снижение пригодности нормативного правового акта или его непригодность [23, с. 57].

В целом обозначение дефектов нормативных правовых актов как конкретных проявлений их некачественности с практической точки зрения представляется наиболее оправданным и удобным. Однако автор придерживается широкого понимания правил юридической техники, разделяемого далеко не всеми. По этой причине, как инструмент диагностики дефектности конкретных нормативных актов, данное определение не лишено недостатков.

Пригодность нормативного правового акта в конкретных правоприменительных ситуациях может толковаться по-разному. Во многих отраслях российского права действуют акты, имеющие изъяны юридической тех-

ники, но тем не менее эффективно решающие поставленные задачи. Если законодатель не реагирует на, казалось бы, очевидную проблемность, коллизионность, ошибочность, в общем, дефектность нормативного правового акта или определенных его норм, игнорирует даже весьма обоснованные и проработанные с точки зрения юридической техники предложения по их совершенствованию, значит он не считает их дефектными. Причем в эти же акты иногда вносятся изменения, которые не только не устраняют существующие «дефекты», но и порождают новые.

По справедливому замечанию С.А. Авакьяна, «... нельзя не сказать открыто об одной из существенных причин дефектов в конституционном праве, которая объединяет все... Это так называемый дефект пренебрежения нормами конституционного права в интересах политической воли, когда законодатель отчетливо понимает, что он творит дефекты, но делает это сознательно» [1, с. 11]. К сожалению, это высказывание справедливо не только в отношении нормативных правовых актов конституционного права.

Представляется, что для однозначной квалификации тех или иных недостатков нормативных правовых актов в качестве дефектов, и принятия необходимых и достаточных мер по их устранению, необходимо прежде всего опираться на социальные характеристики качества закона, выявлять реальные цели принятия того или иного акта или его отдельных норм.

В последние десятилетия мы привыкли к рассуждениям о социальной ценности государства и права. Ни у кого не возникает сомнений, что право выступает в качестве социального регулятора отношений в различных сферах жизни общества. Однако на практике мы сталкиваемся с нормативными актами, содержание которых отражает не публичные, а именно частные интересы. При этом общественно значимые цели таких актов активно декларируются, а частные тщательно маскируются. Поскольку подобные нормативные правовые акты фактически выступают как способ достижения частных целей, то они не выполняют функцию регулятора общественных отношений и, естественно, нарушают публичные интересы. Если определенное правило поведения сформулировано для конкретных лиц или организаций, то негативные последствия его применения обеспечены. Почему же законодатель порой игнорирует эти, казалось бы, очевидные вещи?

Еще Ф. Энгельс в своей знаменитой работе обращал внимание на то, что в большин-

стве известных в истории государств предоставляемые гражданам права соразмеряются с их имущественным положением, и этим прямо заявляется, что государство — это организация имущего класса для защиты его от неимущего [13, с. 78]. Трудно не согласиться и с утверждением марксистско-ленинской теории о том, что право есть возведенная в закон воля господствующего класса, поскольку такое его понимание соответствует природе самого человека. В современной психологии в качестве базовых потребностей человека, без которых он не может комфортно существовать, выделяются физиологические (в том числе в пище), материальные, социальные, а также потребность в уважении, в признании собственных достижений, стремление к престижности [18]. Стремление человека к добычанию ресурсов и доминированию, а следовательно, приоритет личных интересов над общественными, является основой его мотивационной сферы [12, с. 517-524]. Можно не сомневаться — в любом государстве обязательно найдутся граждане, путающие или даже отождествляющие собственные интересы с государственными в определенных сферах общественных отношений. Однако всем хорошо известно, к чему рано или поздно приводит господство частных интересов на государственном уровне.

Во избежание таких последствий одной из основных задач современного законодательства провозглашается закрепление определенного баланса публичных и частных интересов в различных сферах общественной жизни. Соблюдение этого баланса обеспечивает стабильность государства в целом.

Особенно остро эта задача стоит перед законодателем при регламентации общественных отношений, где конфликты между публичным и частным неизбежны. Такие отношения традиционно связаны с получением и реализацией властных полномочий, приобретением, управлением и распоряжением различного рода ресурсами. Неслучайно, что большую часть реальных или мнимых дефектов мы обнаруживаем в нормативных правовых актах таких «динамично развивающихся» (подверженных многочисленным изменениям и дополнениям) отраслей российского права как конституционное, уголовное, административное, экологическое, финансовое. Именно нормативные акты этих отраслей мы чаще всего имеем в виду, когда говорим о законах, принимаемых за «закрытыми дверями», непродуманных, поспешных, содержащих коррупциогенные факторы, несоответствующих правилам юридической тех-

ПРОЛОГ:

ЖУРНАЛ О ПРАВЕ /

PROLOGUE:

LAW JOURNAL

ники и т.д. Игнорирование интересов отдельных субъектов таких правоотношений при подготовке и принятии нормативных правовых актов, внесении в них изменений, неизбежно приводит к уклонению от соблюдения, появлению разнообразных схем обхода соответствующих правовых предписаний, многочисленным фактам злоупотребления правом. Даже в случаях, когда нормативные акты или отдельные нормы в целом направлены на удовлетворение государственных и общественных потребностей, в правоприменительной деятельности их постоянно пытаются использовать в качестве инструмента для достижения собственных, говоря языком уголовного закона, корыстных целей. Если практика, прежде всего судебная, демонстрирует успешность этих попыток, то подобные нормативные акты безусловно являются дефектными.

Таким образом, в обозначенных отраслях российского права пробелы, коллизии, правовая неопределенность, недостатки технико-юридического оформления текстов нормативных правовых актов, являются не только следствием естественного развития законодательства, но зачастую и закономерным результатом неконкретности целей правового регулирования, разбалансированности интересов субъектов регулируемых правоотношений, обслуживания с помощью нормативных правовых актов частных интересов, т.е. некачественности социального содержания этих актов.

Попытки же исправления недостатков чаще всего осуществляется путем механического исключения частей, пунктов или даже целых статей из текста соответствующего нормативного правового акта, их редакционного изменения, усиления ответственности за несоблюдение содержащихся в акте предписаний без учета вышеуказанных концептуаль-

ных (базовых) недостатков, что зачастую приводит лишь к появлению новых схем обхода и злоупотреблений.

Однако наиболее опасным последствием отсутствия подходов к определению баланса публичных и частных интересов в рамках правового регулирования различных сфер общественных отношений является возможность законодателя по своему усмотрению, произвольно, без сколько-нибудь существенного общественного резонанса, вносить принципиальные изменения в действующие нормативные правовые акты. В этом случае практически любой закон можно легко превратить из основного социального регулятора общественных отношений в инструмент решения экономических, а также политических задач отдельных граждан и организаций.

В связи с изложенным, в контексте разработки методологической основы для выявления дефектности действующих нормативных актов следует различать базовые (сущностные) и технико-юридические дефекты. Базовые дефекты являются определяющими для оценки качества нормативных правовых актов. Во многих случаях такие дефекты могут быть устранены только путем отмены нормативного правового акта или глубокой переработки его текста.

Базовый (сущностный) дефект имеет место тогда, когда нормативный акт в целом или группа норм в его структуре не соответствуют подходам к определению баланса публичных и частных интересов, существующим в рамках регулирования определенной сферы общественных отношений, отражают частный, корпоративный интерес и могут быть использованы для удовлетворения потребностей отдельных граждан или организаций в ущерб интересам общества и государства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авакьян С.А. Пробелы и дефекты в конституционном праве и пути их устранения // Конституционное и муниципальное право. — 2007. — № 8. — С. 3-12.
2. Баранов В.М., Пшеничников М.А. Правотворческие ошибки как фактор дисгармонии правового развития (по материалам Международного научно-практического круглого стола «Правотворческие ошибки: понятие, виды, практика и техника устранения в постсоветских государствах» (Нижний Новгород, 29-30 мая 2008 года)) // Юридическая техника. — 2008. — № 2. — С. 170-182.
3. Босхолов С.С., Максимов С.В. Уголовно-правовая политика: опыт, проблемы, пути совершенствования // Пролог : журнал о праве. — 2018. — № 3. — С. 8-17.
4. Брыжинский А.А., Лукьянов А.А. Техничко-юридические критерии качества законодательного акта // Социально-политические науки. — 2011. — № 1. — С. 70-74.
5. Власенко Н.А. Коллизионные нормы в советском праве : монография. — Иркутск, 1984. — 100 с.
6. Власенко Н.А. Неопределенность в праве : природа и формы выражения // Журнал российского права. — 2013. — № 2. — С. 32-44.
7. Воробьева С.А. Качество закона и его роль в обеспечении прав человека (теоретико-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Челябинск, 2014. — 31 с.

ПРОЛОГ:

ЖУРНАЛ О ПРАВЕ /

PROLOGUE:

LAW JOURNAL

8. Игнатенко В. В. Правовое качество законов об административных правонарушениях : теоретические и прикладные проблемы: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. — Екатеринбург, 1999. — 41 с.
9. Кашанина Т.В. Юридическая техника: учеб. — М., 2011. — 496 с.
10. Красинский В. В. Качество российских законов // Право и политика. — 2005. — № 5. — С. 96-104.
11. Кутафин О.Е. Пробелы, аналогия и дефекты в конституционном праве // Lex Russica. Научные труды МГЮА. — 2007. — № 4. — С. 610-622.
12. Маклаков А.Г. Общая психология. — СПб., 2001. — 592 с.
13. Маркс К., Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Избранные произведения : в 3 т. — М., 1986. — Т. 3. — 639 с.
14. Матейкович М.С. Дефекты конституционно-правового регулирования в Российской Федерации // Государство и право. — 2007. — № 12. — С. 15-22.
15. Минюк Н.В. Правовая политика как фактор повышения качества законодательства в современной России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Тамбов, 2009. — 24 с.
16. Мушинский М.А. Проблемы диагностики правотворческих дефектов : науч.-практ. пособие. — Иркутск, 2009. — 116 с.
17. Овсепян Ж.И. Пробелы и дефекты как категории конституционного права // Конституционное и муниципальное право. — 2007. — № 15. — С. 10-16.
18. Орехов Д.Е. Блеск и нищета пирамиды Маслоу или призма потребностей. — URL: <http://net.knigi-x.ru/24istoriya/505117-1-predislovie-ierarhiya-potrebnostey-maslou-kotoraya-ego-posledovatelyami-bila-vistroena-pi.php>.
19. Панько К.К. Основы законодательной техники в уголовном праве России (теория и законодательная практика): дис. ... д-ра юрид. наук. — Воронеж, 2006. — 429 с.
20. Поленина С.В. Качество закона и эффективность законодательства. — М., 1993. — 56 с.
21. Сергеев С.Л. Отдельные проблемы конституционно-правового регулирования в контексте общетеоретических проблем пробелов и дефектов: материалы Междунар. науч. конф. Юридический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. (г. Москва. 28-31 марта 2007 г.) / под ред. проф. С.А. Авакьяна. — М., 2008. — С. 71-82.
22. Сибгатуллина Г.Р. Понятия «дефект права» и «юридическая ошибка» в современной юридической науке // Вестник экономики, права и социологии. — 2012. — № 1. — С. 221-222.
23. Соколова М.А. Выявление и устранение дефектов в механизме правотворчества: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2018. — 192 с.
24. Сулова Н.В. Дефекты в российском праве : постановка проблемы, научные подходы, понятие // Пробелы в российском законодательстве. — 2012. — № 2. — С. 36-39.
25. Сырых Е.В. Общие критерии качества закона : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2001. — 221 с.
26. Тихомиров Ю.А. Закон: притязания, стабильность, коллизии // Законодательство России в XXI веке. — М., 2002. — С. 8-14.
27. Тихомиров Ю.А. Юридическая коллизия: монография. — М. : Манускрипт, 1994. — 230 с.
28. Цыбуляк С.И. Дефекты конституционно-правового регулирования избирательных отношений в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Тюмень, 2010. — 23 с.
29. Чепенко Я.К. Правовые пробелы в механизме конституционного обеспечения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации (в свете практики Конституционного Суда РФ): дис. ... канд. юрид. наук. — СПб, 2017. — 172 с.
30. Червонюк В.И. Качество закона: современная концепция и проблемы демократизации // Юридическая техника. — 2014. — № 8. — С. 488-503.

REFERENCE

1. Avak'yan S.A. Gaps and defects in constitutional law and ways to eliminate them [Probely i defekty v konstitucionnom prave i puti ih ustraneniya]. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo — Constitutional and municipal law*. 2007. Issue 8. Pp. 3-12. (In Russ.).
2. Baranov V.M., Pshenichnov M.A. Law-making mistakes as a factor of disharmony of legal development (based on the materials of the International Scientific and Practical Round Table "Law-making mistakes: the concept, types, practice and elimination technique in the post-Soviet states" (Nizhny Novgorod, May 29-30, 2008)) [Pravotvorcheskie oshibki kak faktor disgarmonii pravovogo razvitiya (po materialam Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo kruglogo stola «Pravotvorcheskie oshibki: ponyatie, vidy, praktika i tekhnika ustraneniya v postsovetskikh gosudarstvakh» (Nizhnij Novgorod, 29-30 maya 2008 goda))]. *Juridical tekhnika*. 2008. Issue 2. Pp. 170-182. (In Russ.).
3. Boskholov S.S., Maksimov S.V. Criminal law policy: experience, problems, ways of improvement [Ugolovno-pravovaya politika: opyt, problemy, puti sovershenstvovaniya]. *Prolog: zhurnal o prave — Prologue: a journal of law*. 2018. Issue 3. Pp. 8-18. (In Russ.).
4. Bryzhinskij A.A., Luk'yanov A.A. The technical legal criteria for quality of legislation [Tekhniko-yuridicheskie kriterii kachestva zakonodatel'nogo akta]. *Social'no-politicheskie nauki — Socio-political science*. 2011. Issue 1. Pp. 70-74. (In Russ.).

ПРОЛОГ:

ЖУРНАЛ О ПРАВЕ /

PROLOGUE:

LAW JOURNAL

5. Vlasenko N.A. The conflict Rules in Soviet Law [Kollizionnyye normy v sovetskom prave]. Irkutsk. 1984. 100 p. (In Russ.).
6. Vlasenko N.A. Legal Uncertainty: Nature and Forms of Expression [Neopredelennost' v prave: priroda i formy vyrazheniya]. *Zhurnal rossijskogo prava – Journal of Russian Law*. 2013. Issue 2. Pp. 32-44. (In Russ.).
7. Vorob'eva S.A. The quality of the law and its role in ensuring human rights (the theoretical and legal aspect): Synopsis of candidate of juridical science dissertation [Kachestvo zakona i ego rol' v obespechenii prav cheloveka (teoretiko-pravovoj aspekt): avtoreferat dissertatsii kandidata yuridicheskikh nauk]. Chelyabinsk, 2014. 31 p. (In Russ.).
8. Ignatenko V.V. The legal quality of administrative laws offenses: theoretical and applied problems: Synopsis of doctor of juridical science dissertation [Pravovoe kachestvo zakonov ob administrativnykh pravonarusheniyah: teoreticheskie i prikladnye problemy: avtoreferat dissertatsii doktora yuridicheskikh nauk]. Ekaterinburg, 1999. 41 p. (In Russ.).
9. Kashanina T.V. The Legal technology [YUridicheskaya tekhnika]. Moscow, 2011. 496 p. (In Russ.).
10. Krasinskij V.V. The quality of Russian laws [Kachestvo rossijskikh zakonov]. *Pravo i politika – Law and Politics*. 2005. Issue 5. Pp. 96-104. (In Russ.).
11. Kutafin O.E. The gaps, analogy and defects in constitutional law [Probely, analogiya i defekty v konstitucionnom prave]. *Lex Russica – Lex Russica*. 2007. Issue 4. Pp. 610-622. (In Russ.).
12. Maklakov A.G. General psychology [Obshchaya psihologiya]. Saint Petersburg. 2001. 592 p. (In Russ.).
13. Marks K., EHngel's F. Origin of family, private property and state [Proiskhozhdenie sem'i, chastnoj sobstvennosti i gosudarstva]. Moscow, 1986. Vol. 3. 639 p. (In Russ.).
14. Matejkovich M.S. Defects of constitutional law regulation in the Russian Federation [Defekty konstitucionno-pravovogo regulirovaniya v Rossijskoj Federacii]. *Gosudarstvo i pravo – State and law*. 2007. Issue 12. Pp. 15-22. (In Russ.).
15. Minyuk N.V. Legal policy as a factor in improving the quality of legislation in modern Russia: Synopsis of doctor of juridical science dissertation [Pravovaya politika kak faktor povysheniya kachestva zakonodatel'stva v sovremennoj Rossii: avtoreferat dissertatsii kandidata yuridicheskikh nauk]. Tambov, 2009. 24 p. (In Russ.).
16. Mushinskij M.A. Problems of diagnosis of law-making defects [Problemy diagnostiki pravotvorcheskikh defektov]. Irkutsk, 2009. 116 p. (In Russ.).
17. Ovsepyan ZH.I. Gaps and defects as categories of constitutional law [Probely i defekty kak kategorii konstitucionnogo prava]. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo – Constitutional and municipal law*. 2007. Issue 15. Pp. 10-16. (In Russ.).
18. Orekhov D.E. Maslow's pyramid glitter and misery or needs prism [Blesk i nishcheta piramidy Maslou ili prizma potrebnostej]. Available at: URL:<http://net.knigi-x.ru/24istoriya/505117-1-predislovie-ierarhiya-potrebnostey-maslou-kotoraya-ego-posledovatelyami-bila-vistroena-pi.php>. (In Russ.).
19. Pan'ko K.K. Fundamentals of legislative technology in the criminal law of Russia: Doctor of juridical science dissertation (theory and legislative practice) [Osnovy zakonodatel'noj tekhniki v ugovnom prave Rossii (teoriya i zakonodatel'naya praktika): dissertatsiya doktora yuridicheskikh nauk]. Voronezh, 2006. 429 p. (In Russ.).
20. Polenina S.V. Law quality and legislation effectiveness [Kachestvo zakona i ehffektivnost' zakonodatel'stva]. Moscow, 1993. 56 p. (In Russ.).
21. Sergevnnin S.L. Separate problems of constitutional and legal regulation in the context of general theoretical problems of gaps and defects [Otdel'nye problemy konstitucionno-pravovogo regulirovaniya v kontekste obshcheteoreticheskikh problem probelov i defektov]. *Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. YUridicheskij fakul'tet MGU im. M.V. Lomonosova* (Materials of the international scientific conference. Law Faculty of Moscow State University Mv Lomonosov). Moscow, 2008. Pp. 74. (In Russ.).
22. Sibgatullina G.R. The concepts of «defect of law» and «legal error» in modern legal science [Ponyatiya «defekt prava» i «yuridicheskaya oshibka» v sovremennoj yuridicheskoy nauke]. *Vestnik ehkonomiki, prava i sociologii – Bulletin of Economics, Law and Sociology*. 2012. Issue 1. Pp. 221-222. (In Russ.).
23. Sokolova M.A. Identification and elimination of defects in the mechanism of lawmaking: Candidate of juridical science dissertation [Vyyavlenie i ustranenie defektov v mekhanizme pravotvorchestva: dissertatsiya kandidata yuridicheskikh nauk]. Moscow, 2018. 192 p. (In Russ.).
24. Suslova N.V. Defects in Russian law: problem statement, scientific approaches, concept [Defekty v rossijskom prave: postanovka problemy, nauchnye podhody, ponyatie]. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve – Gaps in Russian legislation*. 2012. Issue 2. Pp. 36-39. (In Russ.).
25. Syryh E.V. General criteria for the quality of the law: Candidate of juridical science dissertation [Obshchie kriterii kachestva zakona: dissertatsiya kandidata yuridicheskikh nauk]. Moscow, 2001. 221 p. (In Russ.).
26. Tihomirov YU. A. Law: claims, stability, collisions [Zakon: prityazaniya, stabil'nost', kollizii]. *Zakonodatel'stvo Rossii v XXI veke – Russian legislation in the 21st century*. 2002. Pp. 8-14. (In Russ.).

27. Tihomirov YU. A. Legal conflict [*YUridicheskaya kolliziya*]. Moscow, 1994. 230 p. (In Russ.).

28. Cybulyak S.I. Defects of constitutional legal regulation of electoral relations in the Russian Federation: Synopsis of candidate of juridical science dissertation [*Defekty konstitucionno-pravovogo regulirovaniya izbiratel'nyh otnoshenij v Rossijskoj Federacii: avtoreferat dissertatsii kandidata yuridicheskikh nauk*]. Tyumen', 2010. 23 p. (In Russ.).

29. CHepenko YA.K. Legal gaps in the mechanism of constitutional provision of human and civil rights and freedoms in the Russian Federation (in the light of the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation): Candidate of juridical science dissertation [*Pravovye probely v mekhanizme konstitucionnogo obespecheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossijskoj Federacii (v svete praktiki Konstitucionnogo Suda RF): dissertatsiya kandidata yuridicheskikh nauk*]. Sankt-Peterburg, 2004. 172 p. (In Russ.).

30. CHervonyuk V.I. The quality of the law: a modern concept and problems of democratization [Kachestvo zakona: sovremennaya koncepciya i problemy demokratizacii]. *Juridical tekhnika – Legal technology*. 2014. Issue 8. Pp. 488-503.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Девицкий Эдуард Иванович (Иркутск) – кандидат юридических наук, доцент, начальник отдела научных исследований Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), (664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4, e-mail: irf@rpa-mjust.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Devitskii, Eduard Ivanovich – PhD in Law, Ass. Professor, Head, Department of Scientific Researches, Irkutsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice. (Nekrasov st., 4, 664011, Irkutsk, e-mail: irf@rpa-mjust.ru).

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 346.13
ББК 67.3

М.А. Сафонов,
*Иркутский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции
Иркутск, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-4428-2639
ResearcherID: Y-1951-2018*

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ СОВЕТСКИХ НАРОДНОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПЛАНОВ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог : журнал о праве / Prologue : Law Journal. — 2018. — № 4.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2018.4.2.
Дата поступления: 03.12.2018.

АННОТАЦИЯ

Рассмотрена проблематика неопределенности правового статуса планов и программ социально-экономического развития в отечественной юридической науке и законодательстве. Обозначена взаимосвязь между отсутствием четкой и обоснованной научной оценки правовой природы планов, непоследовательной позицией отечественного законодателя в данной области, и безуспешной практикой реализации плановых программ в Российской Федерации на современном этапе. Изучен генезис правового регулирования планирования народного хозяйства в СССР во времена становления основ плановой экономики — с 1917 г. до начала 1930-х гг. На основе анализа советской практики правового и организационного обеспечения планирования сделаны выводы о качественном развитии правовой природы планов в указанный период, обозначены основные тенденции процесса трансформации статуса плановых актов. Приведены позиции советских ученых-юристов по вопросу о сущности планов народного хозяйства, их месте в системе юридических актов и роли в урегулировании общественных отношений. Проведена группировка позиций советских исследователей, дана краткая оценка их взглядам на проблематику правовой природы народнохозяйственных планов. Выделены основные определяющие черты советских планов народного хозяйства, как юридически значимых документов. Обозначены ключевые признаки плана, позволяющие отнести его к особому разряду нормативно-правовых актов. Проанализированы основные аспекты развития правовой природы планов народного хозяйства, предопределившие становление их в качестве одной из разновидностей нормативных правовых актов Советского государства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Акт индивидуального регулирования; история государства и права; нормативный акт; планирование экономики; Советское государство.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ

Сафонов М.А. К вопросу о правовой природе советских народнохозяйственных планов // Пролог: журнал о праве / Prologue: Law Journal. — 2018. — № 4.

M.A. Safonov,
Irkutsk Institute (Branch)
All-Russian State University of Justice
Irkutsk, Russian Federation

CRIMINAL LAW POLICY: EXPERIENCE, PROBLEMS AND WAYS OF IMPROVEMENT

PUBLICATION DATA

Prologue: Law Journal. — 2018. — № 4.
 ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2018.4.2.
 Submission date: 03.12.2018.

ABSTRACT

The article deals with the problems of uncertainty of the legal status of plans and programs of socio-economic development in the domestic legal science and legislation. The author designates the interrelation between the lack of a clear and reasonable scientific assessment of the legal nature of plans, inconsistent position of domestic legislators in this area, and unsuccessful practice of implementation of planned programs in the Russian Federation at the current stage. The author examines the genesis of legal regulation of national economy planning in the USSR during the period of the planned economy basis forming from 1917 to the early 30-ies (XX century). On the basis of the analysis of the Soviet practice of legal and organizational support of planning the author describes the qualitative development of the legal nature of plans in this period, and designates the main trends in the process of planning acts status transformation. The author also presents the positions of the soviet legal scholars on the issue of the national economy plans essence, their place in the system of legal acts and their role in the regulation of public relations. The author has grouped soviet researches' positions, assessed their views on the problems of the economic plans legal nature, identified the main defining features of the Soviet national economy plans as legally significant documents, designated the key features of the plan allowing to carry it to the special category of normative legal acts, analyzed the main aspects of the development of the national economy plans legal nature that predetermined their formation as one of the varieties of normative legal acts of the Soviet state.

KEYWORDS

Act of individual regulation; history of state and law; normative act; economic planning; Soviet state.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Safonov M.A. To the issue of the legal nature of the soviet national economic plans // Prologue: Law Journal. — 2018. — № 4.

Современная отечественная юридическая наука незаслуженно оставляет вне исследовательского ракурса вопрос о правовой природе народнохозяйственных планов Советского государства — новейших историко-правовых и теоретико-правовых работ, посвященных указанной теме, практически нет.

Отсутствие внимания к данной теме, особенно на фоне явно возросшего интереса отечественных исследователей к практике пла-

нирования экономики в СССР и КНР, кажется странным.

Планирование зарекомендовало себя как крайне эффективное средство разрешения социально-экономических, культурных, межнациональных и иных проблем, как залог долгосрочного стабильного развития экономики и общества. Явные проявления симптомов системного кризиса современного общественно-экономического и политико-

правового устройства, закономерно усиливают внимание ученых к изучению опыта организации экономической жизни общества на плановых началах. Вместе с тем, как видится, современная отечественная юридическая наука, в лице своих представителей — теоретиков и историков права — во многом продолжает находиться в плену стереотипов и клише, отождествляющих плановую экономику с нежизнеспособной и тоталитарной административно-командной системой.

Актуальность вопросов правового и организационного обеспечения планирования экономики обусловлена и тем обстоятельством, что на протяжении последних десяти лет государственная власть неоднократно анонсировала программы развития социально-экономической сферы на основе стратегических планов, предпринимала попытки внедрения некоторых механизмов планового регулирования. Каждая из таких попыток, начиная с широко разрекламированной в 2008 г. «Стратегии 2020»¹, заканчивалась провалом.

Как видится, одной из причин неуспеха деятельности государства в данном направлении является недостаточная разработанность в отечественной правовой науке теоретических вопросов организации и функционирования системы планирования. В связи с этим можно отметить, что достижение научным сообществом позитивных результатов в исследовании правовой природы плановых актов имеет прикладное значение.

На это, в частности, указывают результаты ряда исследований, посвященных изучению содержания Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ². Такие исследователи, как Н. А. Молчанов, В.П. Егоров и Е.К. Матевосова, рассматривая законодательное определение понятия «документ стратегического планирования», указывают на его несоответствие требованиям юридической техники в части полноты и конкретности правового регулирования. Кроме того, названные авторы отмечают факт противоречия данного определения иным законодательно закрепленным дефинициям [8, с. 31]. С критикой содержания упомянутого закона выступает

и Е.Н. Никифорова: по ее мнению, правовой статус «мастерплана» (главной разновидности вводимых законом плановых документов) является неопределенным [9, с. 43].

В данном случае, мы имеем дело не просто с терминологической путаницей и размытостью понятий. По существу, план, как основа комплексной государственной социально-экономической политики в нынешних условиях лишен сколь бы то ни было значимого юридического содержания, что приводит к фиктивности всей деятельности в рамках планирования.

Задача разрешения теоретических и практических трудностей, возникающих в связи с разработкой и принятием плановых программ, непреложно побуждает ученых обратить самое пристальное внимание на опыт прошлого.

Изучение теории и практики правового обеспечения планирования экономики в Советском государстве способно дать современной науке тот материал, использование которого позволило бы решить задачу наполнения понятия «план» четким и недвусмысленным содержанием, конкретизировать правовую природу планов и их место в системе актов, издаваемых государством.

Необходимо отметить, что правовая природа народнохозяйственных планов в Советском государстве претерпевала определенные изменения с течением времени, трансформировалась по мере развития правовых, организационных и социально-экономических основ планирования [13, с. 46].

Изучение периода становления системы планирования (с 1917 г. по начало 1930 гг.) позволяет нам отследить эволюционный путь народнохозяйственного плана, как юридически значимого документа.

Первым настоящим планом развития народного хозяйства был документ, подготовленный в конце 1920 г. Государственной комиссией по электрификации России³.

План ГОЭЛРО представлял собой систематизированный свод технических и экономических данных и норм права, как таковых, не содержал. Средством юридического оформления плановой программы в соответствии с положениями Конституции РСФСР 1918 г. служили акты Всероссийского Съезда Советов.

¹ О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года : распоряжение Правительства РФ от 17 нояб. 2008 г. № 1662-р // СПС «Консультант-Плюс».

² О стратегическом планировании в Российской Федерации : федер. закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

³ План электрификации РСФСР. Введение к докладу VII Съезду Советов Государственной комиссии по электрификации (22 дек. 1920 г.). — URL: http://istmat.info/files/uploads/29115/plan_goelro_doklad.pdf.

В декабре 1921 г. IX Всероссийский Съезд Советов утвердил план ГОЭЛРО, после чего проект получил статус законодательно оформленной программы социально-экономического развития⁴. Сам же план, по существу, оставался техническим документом, исполнение которого должно было обеспечиваться юридической силой постановления Всероссийского Съезда Советов.

Ежегодное (текущее) планирование осуществлялось аналогичным образом — необходимый статус народнохозяйственных планы приобретали после их утверждения Советом Труда и Оборона (СТО) РСФСР, постановления которого были обязательны к исполнению для всех местных и центральных ведомств и учреждений⁵.

Подобный подход к правовому регулированию планирования — разграничение плана экономической программы и нормативно-правового акта, призванного обеспечить исполнение плана — отличался низкой степенью эффективности. Оторванность плана от правовой основы его реализации не позволяли выработать конкретных организационно-правовых механизмов внедрения плана в жизнь.

Во второй половине 1920-х гг. обязательным условием легализации народнохозяйственных планов стало рассмотрение плановых проектов партийными органами и издание соответствующих партийных актов, содержащих одобрительную оценку этих проектов [13, с. 90]. В некотором смысле, партийные акты служили средством укрепления императивности плановых предписаний, способствовали оформлению их правовой сущности. Авторитет партии, выраженная в партийных предписаниях политическая воля — все это способствовало тому, что план, бывший ранее документом, содержащим систематизированный свод технических данных, стал укрепляться в качестве акта, содержащего общеобязательные предписания государственной власти.

К началу 1930-х гг. нормативная составляющая народнохозяйственных планов про-

является еще более отчетливо, несмотря на то, что формальные юридические процедуры разработки и утверждения планов к тому времени существенно не изменились.

Советское руководство изначально стремилось гарантировать исполнение планов путем придания им юридической силой закона, однако сама по себе процедура утверждения плановых проектов высшими органами государственной власти еще не наделяла их нормативностью и не гарантировала исполнение плановых предписаний. В период реализации первой пятилетки были, наконец, созданы предпосылки для придания планам народного хозяйства характера конкретных, обязательных к исполнению хозяйственных директив, имеющих силу закона. Достигнуть этого удалось не столько путем установления юридической ответственности в сфере планирования, сколько путем создания сложного механизма правовых и организационных средств обеспечения практической реализации плановых заданий, формированию более или менее эффективно функционирующего аппарата управления экономикой [14, с. 60]. Кроме того, на правовой природе народнохозяйственных планов — прямо и косвенно — сказалось расширение сферы планирования за счет охвата планом обширного сектора экономики, ранее являвшегося частным.

С начала 1930-х гг. до конца 1980-х гг. правовая природа советских планов народного хозяйства не претерпевала существенных изменений.

В советское время правовая природа народнохозяйственных планов являлась объектом многочисленных исследований ученых-юристов [15, с. 39]. Интересно отметить, что начавшаяся еще в 1950-е гг., дискуссия на тему наличия или отсутствия у народнохозяйственных планов свойств нормативного акта не привела к выработке единой для всех советских ученых позиции по данному вопросу.

Так, часть исследователей отстаивала подход, предполагавший разграничение понятий народнохозяйственного плана и нормативного акта [7, с. 109].

Например, С. С. Алексеев утверждал, что план действительно имеет определенную схожесть с законом (нормативным актом). При этом, закон, по его мнению, является основой государственного народнохозяйственного планирования: им, в частности, определяется порядок и средства планирования. Народнохозяйственные планы выполняют схожие функции с той лишь разницей, что им отводится роль актов-директив, рассчитанных на исполнение строго-определенными субъектами в течение конкретного срока [3, с. 220-221].

⁴IX Всероссийский Съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов : стенографический отчет (23-28 дек. 1921 г.). — М., 1924. — 208 с.

⁵О Совете Труда и Оборона : постановление VIII Всероссийского Съезда Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов от 23 дек. 1920 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. — 1921. — № 1. — Ст. 2.

Так, С. С. Алексеев писал: «Народнохозяйственные планы — особая разновидность правоисполнительных актов, играющих большую роль в жизни социалистического общества, охватывающих регламентированием значительный комплекс отношений в сфере планирования, причем часто на довольно большой отрезок времени» [2, с. 160]. Народнохозяйственный план, согласно данному подходу, по своей правовой природе является актом индивидуального регулирования [3, с. 220-221].

Отличной от вышерассмотренной позиции придерживался О. Е. Кутафин, отмечавший, что при наличии некоторых схожих черт, план, как инструмент государственной политики, отличается от нормативного акта большей гибкостью: сфера регулирования плана представляется более широкой, с одной стороны, и более конкретной — с другой [5, с. 13]. Народнохозяйственный план — по мнению О. Е. Кутафина — не обладая свойствами нормативного акта, не уступает последнему в своей значимости как регулятор общественных отношений.

Другая часть советских ученых стояла на позиции безусловного признания народнохозяйственных планов одной из разновидностей нормативных актов [10, с. 15].

К примеру, Н. Г. Александров утверждал, что государственный план не только регулирует, но и порождает правоотношения среди неопределенного круга лиц [1, с. 220]. Вместе с тем, Е. Б. Пашуканис писал, что народнохозяйственный план по своей правовой природе является синтезом общей правовой нормы и конкретных управленческих предписаний [4, с. 63].

Некоторые представители советской науки, такие как И. М. Разнатовский, в своей оценке правовой природы плановых актов исходили из нераздельного органического единства правового и планового регулирования народного хозяйства.

Согласно концепции И. М. Разнатовского, все акты планирования, за исключением тех, которые определяют качественные показатели планов конкретных субъектов производственного процесса (предприятий, бригад и т. д.), относятся к категории нормативных. Народнохозяйственный план как таковой, по мнению И. М. Разнатовского, содержит в себе норму-предписание, имеющую ряд отличительных особенностей. Во-первых, плановое предписание носит общий характер, но обращено оно не к неопределенному кругу лиц, а лишь к тем, кто охвачен плановой деятельностью. Во-вторых, плановая норма состоит из

индивидуальных заданий. В-третьих, плановое предписание не имеет санкции [11, с. 51].

Оценив позиции советских исследователей по обозначенному вопросу, можно отметить, что в основе дискуссии лежит спор об отнесении планов народного хозяйства к актам индивидуального регулирования одной группой ученых, и признания за актами планирования нормативного характера другой группой.

Чтобы понять, как план соотносится с понятием индивидуального правового акта, нам необходимо выявить его основные признаки. К таковым, И. А. Минникесом были отнесены, в частности: 1) направленность на урегулирование конкретной ситуации, требующей юридического разрешения; 2) установление, изменение и прекращение юридических прав и обязанностей участников общественных отношений в индивидуальном порядке; 3) адресацию персонально определенным субъектам [6, с. 60].

Из приведенного следует, что отличительной чертой индивидуальных правовых актов является их персонифицированный характер: оказываемое ими правовое воздействие строго ограничено, направлено на разрешение конкретной ситуации.

В связи с этим представляется обоснованной оценка плана народного хозяйства в качестве разновидности индивидуального правового акта, так как предписания советских народнохозяйственных планов предназначались для реализации весьма широким кругом субъектов — от государственных структур, до трудовых коллективов предприятий.

Как представляется, близка к истине позиция И. С. Самощенко, отмечавшего, что народнохозяйственные планы уже потому имеют нормативный характер, что регламентируют развитие всего народного хозяйства в целом [12, с. 80].

Кроме того, сам порядок разработки и утверждения народнохозяйственных планов указывает на высокую значимость их юридического статуса и особый характер плановых предписаний: государственный общехозяйственный план, с момента его утверждения высшими государственными органами власти — Съездом Советов и ЦИК — уже и с формальной точки зрения приравнивается к нормативно-правовому акту по своему значению.

На значимость данного обстоятельства указывал И. М. Разнатовский. По его мнению, все народнохозяйственные планы и плановые задания в процессе своего создания принимают форму нормативно-правового акта со всеми характерными для него признаками [11, с. 49].

На наш взгляд, государственный народнохозяйственный план в СССР, начиная с конца 1920-х гг. являлся специфической формой нормативного акта, сочетающей в себе элементы как общего (нормативного), так и индивидуально-правового регулирования. Тесное переплетение нормативной и индивидуальной регламентации общественных отношений, как свойство «плановых актов-директив» было отмечено еще С. С. Алексеевым [2, с. 161].

С нормативным актом народнохозяйственный план роднили: 1) порядок принятия; 2) широкий охват и характер воздействия на общественные отношения; 3) императивность плановых предписаний. Как представляется, имеются все основания считать данные признаки ключевыми при определении правовой природы народнохозяйственного плана. Вместе с тем, плановые предписания были рассчитаны на однократное исполнение в течении строго определенного срока, а производственно-финансовые программы, из которых состоял план, в конечном счете были адресованы конкретным субъектам — эти черты планового акта в большей мере соответствовали признакам актов индивидуального правового регулирования.

Безусловно, тема правовой природы народнохозяйственных планов — в том числе, советских — требует дальнейшего углубленного изучения, не является простой и однозначной. Успешное разрешение комплекса

вопросов, входящих в данную тему, способно не только восполнить пробел, существующий в отечественной юридической науке, но и оказать прямое позитивное воздействие на практику государственного управления экономическими процессами.

Принятие законодателем четкой и недвусмысленной позиции относительно правовой природы планов социально-экономического развития Российской Федерации, определение места этих планов в системе юридических документов, издаваемых государством, способно стать залогом повышения эффективности государственной политики в сфере стратегического планирования. Безусловно, на примере истории развития плановой системы Советского государства можно убедиться, что одних лишь юридических средств обеспечения планирования недостаточно для достижения ожидаемого от внедрения планирования эффекта.

Несмотря на это, именно выполненное в соответствии со всеми требованиями юридической и законодательной техники оформление плановых программ должно стать первым значимым шагом государства на пути внедрения механизмов планового регулирования экономических отношений, если, конечно, государственная политика в данном направлении изначально не преследовала исключительно популистских целей, а многочисленные плановые проекты не задумывались в качестве сугубо политических деклараций.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров Н.Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. — М., 1961. — 272 с.
2. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. — М., 1966. — 187 с.
3. Алексеев С.С. Общая теория социалистического права : в 2 т. — М., 1981. — Т. 2. — 361 с.
4. Амвросова О.Н. Становление и развитие отечественной науки предпринимательского (хозяйственного) права : историко-правовой анализ : дис. ... канд. юр. наук. — Краснодар, 2007 — 214 с.
5. Кутафин О.Е. Плановая деятельность Советского государства : государственно-правовой аспект. — М., 1980. — 240 с.
6. Минникес И.А. Индивидуальные правовые акты (к проблеме индивидуального правового регулирования) // Известия ИГЭА. — 2006. — № 5. — С. 59-62.
7. Мицкевич А.В. Акты высших органов Советского государства : юридическая природа нормативных актов высших органов государственной власти и управления СССР. — М., 1967. — 175 с.
8. Молчанов Н.А., Егоров В.П., Матевосова Е.К. Новые аспекты правового регулирования государственного стратегического планирования в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. — 2015. — № 2. — С. 28-34.
9. Никифорова Е.Н. Правовые аспекты стратегического планирования в Российской Федерации // Теория и практика сервиса : экономика, социальная сфера, технологии. — 2017. — № 1 (41). — С. 40-44.
10. Приблуда А.С. Юридическая природа плановых актов // Правовые вопросы планирования промышленности в СССР : сб. науч. трудов / под ред. В. В. Лаптева. — М., 1964. — С. 14-15.
11. Разнатовский И.М. Правовое регулирование планирования народного хозяйства СССР. — Киев, 1977. — 259 с.
12. Самощенко И.С. О понятии юридического нормативного акта // Советское государство и право. — 1962. — № 3 — С. 77-86.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

УДК 342.7
ББК 67.400.3

А.Н. Шаламова,
*Восточно-Сибирский институт МВД России
Иркутск, Российская федерация*

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕЛИГИОЗНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В КОНСТИТУЦИЯХ РОССИИ И КАЗАХСТАНА

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве / Prologue: Law Journal. — 2018. — № 4.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2018.4.3.
Дата поступления: 30.11.2018.

АННОТАЦИЯ

В статье с использованием сравнительно-правового метода предпринята попытка проанализировать содержательные и юридико-технические аспекты фиксации в тексте конституции социально-правовых ценностей, связанных с национальной самоидентификацией, этнической принадлежностью граждан и вероисповеданием (отношением к религии), в двух многонациональных, многоконфессиональных, светских государствах — Казахстане и России. Рассмотрены также юридические механизмы реализации названных ценностей в социальных практиках, основы функционирования соответствующих институтов гражданского общества и перспективы сотрудничества двух стран в сферах межнациональных и религиозных отношений в правовом аспекте.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Конституция Республики Казахстан; Конституция РФ; социально-правовые ценности; национальные отношения; религиозные отношения; сравнительно-правовое исследование.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ

Шаламова А.Н. Сравнительный анализ религиозных ценностей в конституциях России и Казахстана // Пролог: журнал о праве / Prologue: Law Journal. — 2018. — № 4.

A.N. Shalamova,
*East Siberian Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Irkutsk, Russian Federation*

A COMPARATIVE ANALYSIS OF RELIGIOUS VALUES IN THE CONSTITUTIONS OF RUSSIA AND KAZAKHSTAN

PUBLICATION DATA

Prologue: Law Journal. — 2018. — № 4.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2018.4.3.
Submission date: 30.11.2018.

ABSTRACT

The author, using the comparative law method, attempts to analyze the content and legal and technical aspects of fixation of the social and legal values associated with national identity, ethnicity of citizens and religion (attitude to religion) in two multinational,

ПРОЛОГ:

**ЖУРНАЛ О ПРАВЕ /
PROLOGUE:
LAW JOURNAL**

A.N. Shalamova. A comparative analysis of
religious values in the constitutions of Russia and
Kazakhstan

multireligious, secular States — Kazakhstan and Russia in the text of the Constitution. The article examines some legal mechanisms for the implementation of these values in social practices, the foundations of the functioning of the relevant institutions of civil society and the prospects of cooperation between the two countries in the areas of interethnic and religious relations.

KEYWORDS

Constitution of the Republic of Kazakhstan, the Constitution of the Russian Federation; social and legal values; national relations; religious relations; comparative law research.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Shalamova A.N. A comparative analysis of religious values in the constitutions of Russia and Kazakhstan // Prologue: Law Journal. — 2018. — № 4.

Конституция государства представляет собой явление уникальное. Являясь юридическим документом — основным законом, составляющим фундамент правовой системы, она в то же время выступает документом отчасти и политическим, декларируя основные политические принципы и фиксируя элементы политической системы, и идеологическим, определяя основные нравственно-идеологические векторы развития, конституируя общепризнанные человеческие ценности, которые в результате приобретают характер ценностей социально-правовых. Именно поэтому проведение сравнительно-правового исследования по данному вопросу представляется актуальным и востребованным.

Принципиальным отличием двух конституций, которое уже многократно обсуждалось в юридической литературе, является то, что гл. 1 Конституции Республики Казахстан¹ называется «Общие положения», а в названии аналогичной главы Конституции РФ² подчеркнуто, что в ней зафиксированы именно «Основы конституционного строя» России. Светскость государства провозглашена в ч. 1 ст. 1 Конституции Республики Казахстан (одним перечнем наряду с такими характеристиками как демократическое, правовое и социальное государство). В Конституции РФ светскость выделена в качестве самостоятельной основы конституционного строя, которому посвящена отдельная статья конституционного текста — ст. 14. Причем авторы текста российского основного закона сочли необхо-

димым не только продекларировать светский характер государственности, но и дать пояснения по этому поводу: «1. Российская Федерация — светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. 2. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом». В этом отношении Конституция новой России в большей степени восприняла традицию конституций советского периода. В ст. 52 Конституции СССР 1977 г.³ в связи со свободой совести были сформулированы основные политико-правовые постулаты «советской светскости»: «Возбуждение вражды и ненависти в связи с религиозными верованиями запрещается. Церковь в СССР отделена от государства и школа — от церкви». Вместе с тем, в Конституции Республики Казахстан осуществлено более детальное конституционно-правовое регулирование структуры гражданского общества в части религиозных организаций. Во-первых, установлен запрет на деятельность политических партий, созданных на религиозной основе (ч. 4 ст. 5), во-вторых — ограничение следующего содержания: «Деятельность иностранных религиозных объединений на территории Республики, а также назначение иностранными религиозными центрами руководителей религиозных объединений в Республике осуществляются по согласованию с соответствующими государственными органами Республики» (ч. 5 ст. 5). Ничего подобного в Конституции РФ нет, правовое регулирование соответствующих отношений находится в сфере скорее административно-правовой, нежели кон-

¹ Конституция Республики Казахстан : принята на республиканском референдуме 30 авг. 1995 г. // Ведомости Парламента РК. — 1996. — № 4. — Ст. 217.

² Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. // СЗ РФ. — 2014. — № 31. — Ст. 4398.

³ О Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик : принята ВС СССР 07 окт. 1977 г. // Ведомости ВС СССР. — 1977. — № 41. — Ст. 617.

ституционной. Так, запрет на деятельность политических партий, созданных на религиозной основе, тоже существует, но зафиксирован он в Федеральном законе «О политических партиях» от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ (ч. 3 ст. 9):⁴ «Не допускается создание политических партий по признакам профессиональной, расовой, национальной или религиозной принадлежности». Впрочем, в соответствующем законе Республике Казахстан присутствует практически аналогичная норма (здесь только более четко отграничены друг от друга понятия «национальность» и «этнос»): «Не допускается создание политических партий по признакам профессиональной, расовой, национальной, этнической и религиозной принадлежности граждан»⁵. Разница заключается в том, что российский законодатель счел необходимым в самом законе дать пояснение — что понимается под признаками профессиональной, расовой, национальной или религиозной принадлежности: это указание в уставе и программе политической партии целей защиты профессиональных, расовых, национальных или религиозных интересов, а также отражение указанных целей в наименовании политической партии.

В положениях двух Конституций, устанавливающих принцип политического, идеологического и духовного разнообразия, присутствуют схожие исключительные-запрещающие нормы антиэкстремистского назначения. Однако данная норма Конституции Республики Казахстан несколько отличается от российской, отражая казахстанский историко-этнический колорит: если в РФ запрещается создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни (ч. 5 ст. 13), то в Республике Казахстан к тому же еще «сословной и родовой» (ч. 3 ст. 5, ч. 3 ст. 20).

В ч. 2 ст. 1 Конституции Республики Казахстан среди «принципов деятельности Республики» назван «казахстанский патриотизм». В тексте российской Конституции подобного положения, к сожалению, не существует. Кроме того, здесь нет положения, аналогичного норме ч. 2 ст. 39 Конституции Республики Казахстан, напрямую направленной

на охрану национального мира и согласия как конституционной ценности: «Признаются неконституционными любые действия, способные нарушить межнациональное и межконфессиональное согласие».

В ценностный ряд «национальных» конституционных положений следует включить также нормы, регламентирующие вопросы государственного языка и национальных языков: это ст. 7 Конституции РК и ст. 68 Конституции РФ.

В связи с федеративным государственно-территориальным устройством значительное правовое регулирование, имеющее ценностный подтекст, можно обнаружить в нормах Конституции РФ, посвященных национальным субъектам федерации, прежде всего статусу республик в ее составе. Кроме того, в РФ в текст Конституции включена норма о гарантиях со стороны государства прав коренных малочисленных народов (ст. 69). В унитарном Казахстане таких норм Конституция не содержит. И еще одно существенное отличие: в российской Конституции сделан более четкий акцент на национально-ценностный характер земли и природных богатств: «... земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в РФ как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории» (ч. 1 ст. 9). Зато в Республике Казахстан национально-этнический аспект более детально представлен в системе формирования органов государственной власти: 15 депутатов Сената назначаются Президентом с учетом необходимости обеспечения представительства национально-культурных и иных значимых интересов общества, а 9 из 107 депутатов Мажилиса избираются Ассамблеей народа Казахстана — консультативно-совещательным органом, задачей которого является содействие разработке и реализации государственной национальной политики. Присутствует национально-исторический элемент и в устройстве местных органов власти (маслихаты, акимы).

Наконец, основной корпус норм, связанных с национальными и религиозными ценностями, заключен в двух рассматриваемых конституциях в тех разделах, которые посвящены правам и свободам человека и гражданина. Это полностью соответствует приоритету по отношению ко всем прочим ценностям человека, его прав и свобод, их абсолютности и неотчуждаемости, которые в провозглашены в двух странах (ч. 1 ст. 1, ч. 2 ст. 12 Конституции Республики Казахстан, ст.ст. 2 и 18 Конституции РФ). В РК к таким нормам следует отнести положения ч. 2 ст. 14, ст. 19, 22; в РФ — ч.

⁴ О политических партиях : федер. закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ // СЗ РФ. — 2001. — № 29. — Ст. 2950.

⁵ О политических партиях : закон Республики Казахстан от 15 июля 2002 г. № 344 // Ведомости Парламента РК. — 2002. — № 16. — Ст. 153.

ПРОЛОГ:

2 ст. 19, 26, 28, ч. 2 ст. 29. Существенная разница в данном случае наблюдается в отдельных формулировках норм. Так, в РФ провозглашено: «Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания» (ст. 28) — именно так, через запятую, что вызывает многочисленные дискуссии ученых по поводу соотношения двух этих категорий: «свобода совести» и «свобода вероисповедания». В Конституции Республики Казахстан формулировка более лаконична: «Каждый имеет право на свободу совести» (ч. 1 ст. 22).

Таким образом, проведенное сравнение отдельных положений конституций двух государств демонстрирует достаточно разные содержательные подходы к закреплению в них национальных (этнических) и религиозных ценностей, как «терминальных», так и «инструментальных». Авторами конституционных текстов зачастую использованы различные технико-юридические приемы для фиксации соответствующих положений. Еще больше отличий можно обнаружить в тех актах законодательства, которые развивают рассмотренные конституционные положения, формируют юридические механизмы реализации названных ценностей в социальных практиках, основы функционирования соответствующих институтов гражданского общества. Здесь объем материала для сравнительного исследования огромен, достаточно для примера сопоставить два ценностно-ориентированных фрагмента из преамбул двух законов, устанавливающих правовые основы взаимоотношений государства, верующих граждан и религиозных организаций. Республика Казахстан «... признает историческую роль ислама ханафитского направления и православного христианства в развитии культуры и духовной жизни народа, уважает другие религии, сочетающиеся с духовным наследием народа Казахстана»⁶. В РФ соответствующий закон принят «... признавая особую роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры, уважая христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, составляющие неотъемлемую часть исторического наследия народов России»⁷. Помимо «религиозного» законодательства важнейшие ценностные моменты заключены в законодательстве

об образовании (в части религиозного образования и языка, на котором ведется преподавание), в законодательстве о культуре и других отраслевых и комплексных законодательных массивах.

Анализ ценностного ряда казахстанского конституционного законодательства позволяет выявить стратегическую направленность на построение полиэтничной, но монолитной нации, в фундаменте которой находится государствообразующая казахская национальность, формирование гражданского общества на базе ведущего этноса. Соответственно, в основе социально-правовых ценностей казахстанского общества лежат общественные явления и оценки этих явлений со стороны общества, обусловленные казахской национальной культурой. Что касается религиозной сферы, то ислам здесь «не покидает своей канонической почвы», и по оценкам специалистов «Приоритетным направлением стратегии развития отношений государства с религиозными объединениями для Республики Казахстан в настоящее время являются усилия по недопущению религиозного экстремизма» [1, с. 7]. Эти обстоятельства нельзя не учитывать, выстраивая межгосударственное и межобщественное общение, межкультурный диалог. В том числе выстраивая их в юридическом отношении.

Разница в конституционно-правовом регулировании в большинстве случаев объясняется не концептуальными отличиями в ценностных подходах и оценках (они как раз одинаковые или очень схожие, за исключением отдельных исторически обусловленных моментов). Отличия в основном имеют технико-юридический характер. Однако они могут вызывать разные прочтения, взаимное недопонимание, создать сложности для граждан и организаций в общении по поводу национальных и религиозных ценностей. Вместе с тем, два многонациональных, многоконфессиональных, светских государства — Казахстан и Россия, и их народы, тесно сотрудничают между собой в рассматриваемых сферах как в плане межкультурных обменов, обеспечения конструктивного общения между соответствующими институтами гражданского общества, развития межличностных коммуникаций, бизнеса, туризма, образования, науки, спорта и т. п., так и в плане противодействия деструктивным явлениям, прежде всего националистическому и религиозному радикализму, экстремизму и его крайнему проявлению — терроризму. Последний из названных аспектов нами был ранее подробно рассмотрен в отдельной публикации [1]. Поэтому де-

⁶ О религиозной деятельности и религиозных объединениях : закон Республики Казахстан от 11 октя. 2011 г. № 483-IV // Ведомости Парламента РК. — 2011. — № 17. — Ст. 135.

⁷ О свободе совести и о религиозных объединениях : федер. закон от 26 сент. 1997 г. № 125-ФЗ // СЗ РФ. — 1997. — № 39. — Ст. 4465.

ПРОЛОГ:

тальные сравнительные исследования текстов источников конституционного права в данной области имеют большую практическую значимость, актуальны и необходимы для организации соответствующих государственно-правовых практик и международных отношений. В настоящей статье была предпринята

попытка обозначить в сравнительном аспекте основные элементы связанного с национальными (этническими) и религиозными ценностями конституционно-правового регулирования, требующие дальнейшего детального исследования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амандыкова С. К., Исакова И. Е. Правовое регулирование деятельности религиозных объединений в Республике Казахстан: современное состояние и накопленный опыт // Вестник КарГУ. Серия Право. 2015. № 1. С. 9 – 19.

REFERENCE

1. Amandykova S.K., Iskakova I.E. Legal regulation of the activities of religious associations in the Republic of Kazakhstan: current status and accumulated experience [Pravovoe regulirovanie deyatel'nosti religioznyh ob»edinenij v Respublike Kazahstan: sovremennoe sostoyanie i nakoplennyj opyt]. *Vestnik Karagandinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Pravo. – Bulletin of Karagadi State University. Series. Right.* 2015. Issue 1. Pp. 9 – 19. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Шаламова Алиса Наильевна (Иркутск) – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры государственно правовых дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России (664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110, e-mail: esiirk@mvd.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shalamova, Alisa Nailievna – PhD in Law, Ass. Professor, Head, Department of State and Legal Disciplines, East Siberian Institute of the Ministry of Internal affairs of Russia (Lermontov st., 110, 664074, Irkutsk, e-mail: esiirk@mvd.ru).

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

УДК 347.132
ББК 67.404

Д.Ю. Истомина,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
Пермь, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-0459-3718
ResearcherID: T-1190-2018

Д.Б. Коротков,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
Пермь, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-8664-4928
ResearcherID: E-1699-2016

А.В. Сидорова,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
Пермь, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-1476-8822
ResearcherID: S-9595-2018

НОТАРИАЛЬНОЕ СОГЛАСИЕ СУПРУГА ПРИ ВЫХОДЕ УЧАСТНИКА ИЗ ОБЩЕСТВА С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ: КОРПОРАТИВНАЯ И ИМУЩЕСТВЕННАЯ СОСТАВЛЯЮЩИЕ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве / Prologue: Law Journal. — 2018. — № 4.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2018.4.4.
Дата поступления: 12.10.2018.

АННОТАЦИЯ

Рассматриваются промежуточные итоги модернизации отечественного корпоративного законодательства, проводимой в рамках борьбы с недостоверностью сведений об участниках хозяйственных обществ, содержащихся в ЕГРЮЛ, а также с обеспечением соблюдения прав третьих лиц при реализации участниками обществ своих корпоративных прав. Высказан тезис о дискуссионности действующего с 01 января 2016 г. п. 1 ст. 26 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» в редакции Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения достоверности сведений, представляемых при государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей о необходимости получения нотариального согласия супруга на выход из общества с ограниченной ответственностью в случае нахождения доли в уставном капитале общества в общей совместной собственности супругов. Авторами указано на недопустимость противопоставления корпоративных прав участника общества и имущественных прав супруга такого участника, на недопустимость принуждения лица пребывать в каком-либо объединении, в том числе корпоративном. Авторам видится актуальным вопрос о внесении изменений в п. 3 ст. 35 Семейного кодекса РФ, исключающих необходимость получения нотариально удостоверенного согласия супруга на распоряжение общим имуществом

в случае реализации участником общества с ограниченной ответственностью своего корпоративного права на выход из общества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Общество с ограниченной ответственностью; супруг; нотариально удостоверенное согласие на распоряжение общим имуществом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ

Истомина Д.Ю., Коротков Д.Б., Сидорова А.В. Нотариальное согласие супруга при выходе участника из общества с ограниченной ответственностью: корпоративная и имущественная составляющие // Пролог: журнал о праве / Prologue: Law Journal. – 2018. – № 4.

D.Yu. Istomina,
Perm State National Research University

D.B. Korotkov,
Perm State National Research University

A.V. Sidorova,
Perm State National Research University

THE NOTARIAL CONSENT OF THE SPOUSE WHEN LEAVING THE LIMITED LIABILITY COMPANY: CORPORATE AND PROPERTY COMPONENTS

PUBLICATION DATA

Prologue: Law Journal. – 2018. – № 4.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2018.4.4.
Submission date: 12.10.2018.

ABSTRACT

The authors examine the intermediate results of the modernization of the domestic corporate legislation, carried out in the framework of the fight against the inaccuracy of information about the participants of business companies contained in the Unified state register of legal entities, as well as the right enforcement of third parties in the implementation of their corporate rights. The authors express the thesis of the contestability of paragraph 1 «on limited liability companies» (article 26 of the Federal law) which has been in force since 01.01.2016 in edition of the Federal law of 30.03.2015 No. 67. «modification of separate legal acts of the Russian Federation regarding ensuring reliability of the data provided at the state registration of legal entities and individual entrepreneurs». The idea concerns the need of obtaining the notarial consent of the spouse when leaving the limited liability company in case of finding a share in authorized capital in the common joint property of spouses. The authors point to the inadmissibility of contrasting the corporate rights of a participant of the company and the property rights of the spouse of such a participant, to the inadmissibility of forcing a person to stay in any association, including a corporate one. The authors consider the topical issue of amendments to paragraph 3 of article 35 of the Russian Federation Family Code to be urgent, i.e. excluding the need to obtain a notarial consent of the spouse to dispose of the common property in the case of a limited liability company participant's exercising his or her corporate right to leave the company.

KEYWORDS

Limited liability company; spouse; notarial consent to the disposal of common property.

**BIBLIOGRAPHIC
DESCRIPTION**

Istomina D.Yu., Korotkov D.B., Sidorova A.V. The notarial consent of the spouse when leaving the limited liability company: corporate and property components // Prologue: Law Journal. — 2018. — № 4.

В ходе реализации мероприятий по борьбе с недостоверностью сведений об участниках хозяйственных обществ, содержащихся в ЕГРЮЛ, а также с обеспечением соблюдения прав третьих лиц при реализации участниками обществ с ограниченной ответственностью (далее — ООО, Общество) своих корпоративных прав законодатель внес ряд изменений в Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» от 08 февраля 1998 г. № 14-ФЗ¹ (далее — Закон об ООО). В частности с 1 января 2016 г. согласно п. 1 ст. 26 Закона об ООО в редакции Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения достоверности сведений, представляемых при государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» от 30 марта 2015 г. № 67-ФЗ² участник общества вправе выйти из общества путем отчуждения доли обществу независимо от согласия других его участников или общества, если это предусмотрено уставом общества. Заявление участника общества о выходе из общества должно быть нотариально удостоверено по правилам, предусмотренным законодательством о нотариате для удостоверения сделок.

Практика применения указанной правовой нормы исходит из того, что введенный законом обязательный нотариальный порядок удостоверения заявления о выходе из ООО предполагает также необходимость представления участником ООО, желающим выйти из общества, нотариально удостоверенного согласия своего супруга на распоряжение общим имуществом. Правоприменители ссылаются при этом на п. 3 ст. 35 СК РФ³, согласно которому для заключения одним из супругов сделки по распоряжению имуществом, пра-

ва на которое подлежат государственной регистрации, сделки, для которой законом установлена обязательная нотариальная форма, или сделки, подлежащей обязательной государственной регистрации, необходимо получить нотариально удостоверенное согласие другого супруга.

Социально-экономическое обоснование необходимости получения такого нотариально удостоверенного согласия основано на том, что супруг заинтересован в сохранении доли в уставном капитале ООО как ликвидного актива, приносящего стабильный доход. При этом получение действительной стоимости доли при выходе из ООО не всегда гарантирует имущественные интересы супруга, поскольку процедура расчета действительной стоимости доли в хозяйственном обществе бывает сопряжена с корпоративными спорами и нарушениями со стороны как общества, так и остальных его участников. Этот тезис применительно к коммерческим корпоративным организациям поддерживают и современные ученые [2, с. 122-135]. Судебная практика также демонстрирует примеры незначительного количества споров, связанных с определением действительной стоимости доли в хозяйственном обществе. Например, в Постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 10 сентября 2013 г. № 3744/13⁴, обосновывалось, что расчет действительной стоимости доли, подлежащей выплате участнику общества, должен производиться исходя из величины чистых активов общества, определенной с учетом рыночной стоимости принадлежащего обществу недвижимого имущества, без включения в эту стоимость НДС. В рамках другого дела в Постановлении Арбитражного суда Уральского округа от 07 декабря 2017 г. № Ф09-6595/17 по делу № А60-28406/2016⁵ подтверждена процессуальная необходимость назначения судебной экспертизы по делу об определении действительной стоимости доли в хозяйственном обществе.

¹ Об обществах с ограниченной ответственностью : федер. закон от 08 февр. 1998 г. № 14-ФЗ // СЗ РФ. — 1998. — № 7. — Ст. 785.

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения достоверности сведений, представляемых при государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей : федер. закон от 30 марта 2015 г. № 67-ФЗ // СЗ РФ. — 2015. — № 13. — Ст. 1811.

³ Семейный кодекс РФ : федер. закон РФ от 29 дек. 1995 г. № 223-ФЗ // СЗ РФ. — 1996. — № 1. — Ст. 16.

⁴ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 10 сент. 2013 г. № 3744/13. — URL : <http://kad.arbitr.ru/>

⁵ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 07 дек. 2017 г. № Ф09-6595/17 по делу № А60-28406/2016. — URL : <http://kad.arbitr.ru/>

Аналогичные выводы содержатся в Постановлении Арбитражного суда Московского округа от 09 июня 2018 г. № Ф05-7443/2018 по делу № А40-189292/2016⁶ и в Постановлении Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 29 июня 2018 г. № Ф02-2421/2018 по делу № А19-20042/2015⁷.

Кроме того, как отмечается в научной литературе, требование оформления согласия в нотариальной форме позволяет обеспечить установление личности одобряющего лица, а также его действительную волю, направленную на возникновение юридических последствий, предусмотренных сделкой [12, с. 113]. Установление личности одобряющего лица и его действительной воли важно, поскольку на практике оспаривание сделок с долями в уставном капитале хозяйственных обществ происходит зачастую по критерию порока воли в сделке.

Не споря с необходимостью защиты имущественных прав супруга участника ООО, желающего выйти из общества, в настоящем исследовании мы приведем несколько аргументов в попытке обосновать спорность необходимости получения нотариального согласия супруга на выход из ООО в случае нахождения доли в уставном капитале общества в общей совместной собственности супругов:

1. Федеральным законом «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ в п. 1 ст. 2 ГК РФ⁸ внесено дополнение в части корпоративных отношений, попадающих под правовое регулирование нормами гражданского права.

Закрепление корпоративных отношений в тексте ГК РФ явилось итогом последовательного воплощения в жизнь наработок пп. 1 и 2 Концепции развития гражданского законодательства, разработчики которой указывали на то, что «... с точки зрения предмета гражданского законодательства необходимо включить в п. 1 ст. 2 ГК РФ еще одну группу отношений, регулируемых гражданским законодательством, а именно корпоративные отношения, под которыми следует понимать отношения, связанные с правом участия в корпорации, а

также соответствующие обязательственные отношения между учредителями (участниками) и корпорацией. Нормы, регулирующие корпоративные отношения, могут также применяться на субсидиарной основе и к юридическим лицам некорпоративного типа, если иное не вытекает из существа таких отношений».

С учетом содержания корпоративных правоотношений необходимо учитывать, что участник ООО в силу п. 1 ст. 2 ГК РФ связан с другими участниками и обществом корпоративными правоотношениями и реализация предусмотренного уставом права на выход участника из ООО является одним из корпоративных прав такого участника, что отражено также в работах исследователей (например, М. Н. Илюшиной [3, с. 16] и А. В. Махнева [7, с. 5940]). Признание выхода из общества в качестве корпоративного права участника находит подтверждение в судебной практике. Так, в Постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда от 03 мая 2018 г. по делу № 09АП-14497/2018⁹ указано, что нормы семейного законодательства не могут вторгаться в сферу регулирования корпоративного права. Таким образом, супруг участника, намеренного выйти из ООО, корпоративными правами по отношению к обществу не обладает, а имеет лишь имущественные права на доход от использования общего имущества супругов (в нашем случае — доли в уставном капитале ООО). Указанный довод об особом соотношении корпоративных прав участника хозяйственного общества с имущественными правами супруга данного участника поддерживается в юридической науке, где отмечается организационно-процедурный компонент корпоративных прав и экономикоматериальный компонент прав имущественных [5, с. 10-15].

Поскольку заявление участника о выходе из ООО направлено на реализацию корпоративного права на прекращение членства в обществе, то совершаемое при этом неизбежное распоряжение долей в уставном капитале ООО как общим имуществом супругов носит сопутствующий характер и не является для участника самоцелью. Иными словами, имущественные права на долю в уставном капитале ООО принадлежат обоим супругам, а корпоративные — только супругу-участнику общества. Поддержку данной точки зрения можно найти и в работах других исследова-

⁶ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 09 июня 2018 г. № Ф05-7443/2018 по делу № А40-189292/2016. — URL : <http://kad.arbitr.ru/>.

⁷ Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 29 июня 2018 г. № Ф02-2421/2018 по делу № А19-20042/2015. — URL : <http://kad.arbitr.ru/>.

⁸ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : федер. закон РФ от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.

⁹ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 03 мая 2018 г. № 09АП-14497/2018 по делу № А40-155976/17. — URL : <http://kad.arbitr.ru/>.

телей. Так, С.Ю. Чашкова в своей работе обоснованно отмечает, что «... сделка по выходу из ООО в порядке ст. 26 Закона об ООО не является сделкой по распоряжению долей ООО как общим имуществом супругов и не имеет в качестве основной правовой цели ее совершения распоряжение долей ООО. Заявление о выходе из ООО направлено на реализацию личного неимущественного права участия» [10, с. 55].

В связи с этим полагаем, что противопоставление корпоративных прав участника ООО и имущественных прав супруга такого участника, а также постановка возможности реализации одних прав в зависимости от других является весьма дискуссионной. Законодательное обоснование этому доводу можно найти в п. 2 ст. 1 ГК РФ, согласно которому участники гражданского оборота осуществляют свои права своей волей и в своем интересе. Аналогичная позиция высказана и в научной литературе. В частности, Т.В. Шмелева, ссылаясь на нотариальную практику города Москвы, утверждает, что «... волеизъявление участника общества, выраженное в форме заявления о выходе из состава участников, не является сделкой и не может подпадать под действие ст. 35 СК РФ» [13, с. 65].

Отметим, что на практике нотариусы при удостоверении заявления участника о выходе из общества основываются на правилах, предусмотренных ст. 54 и 55 Основ законодательства РФ о нотариате, а именно разъясняют смысл и значение совершаемой сделки, проверяют действительность воли лица на реализацию своих прав и принадлежность таких прав лицу, а также соответствие таких действий требованиям законодательства¹⁰, признавая тем самым выход участника из Общества сделкой. Данная позиция находит отражение и в доктрине. Так, в работах О. А. Кузнецовой [4, с. 59] и Г. Г. Черемных, В. А. Бочковенко [11, с. 8] отражено определение выхода участника из ООО в качестве односторонней сделки, направленной на отчуждение доли в уставном капитале ООО. При этом под односторонней сделкой мы понимаем сделку, для совершения которой необходимо и достаточно выражения воли одной стороны.

Для представления полноты взглядов на поставленный вопрос отметим точку зрения, высказанную Л.Ю. Михеевой, по убеждению которой «... не нужно делить права участника на имущественные и неимущественные.

¹⁰ Основы законодательства Российской Федерации о нотариате : утв. ВС РФ 11 февр. 1993 г. № 4462-1 // Российская газета. — 1993. — 13 марта.

<...> Невозможно делить интерес участника на имущественный и неимущественный — он всегда имущественный. Если вы участник общества — вы хотите получать прибыль. Вы хотите, чтобы вам не мешали конкуренты или партнеры по бизнесу и чтобы корпоративный договор исполнялся. Здесь не может быть неимущественной составляющей» [8, с. 18]. Небезусловность данной позиции подтверждается существующей судебной практикой. Так в Постановлении Десятого арбитражного апелляционного суда по делу № А41-11823/1¹¹ указано, что права участника общества возникают из личного его участия в обществе и регламентированы нормами корпоративного, а не семейного законодательства. Исходя из этих норм у другого супруга может возникнуть только имущественное право на часть выплаченной действительной стоимости доли.

2. Состояние участника в Обществе возможно расценивать в качестве состояния в правовом объединении лиц. Этот тезис укладывается в существующий в науке подход к пониманию ООО как к объединению не только капитала его участников, но и часто их личного труда.

В связи с этим необходимость получения участником ООО нотариального согласия своего супруга на выход из ООО вступает в определенное противоречие с п. 2 ст. 20 Всеобщей декларации прав человека («никто не может быть принуждаем вступать в какую-либо ассоциацию»)¹², п. 2 ст. 22 Международного пакта о гражданских и политических правах («пользование этим правом (*свобода ассоциаций — примеч. автора*) не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусматриваются законом и которые необходимы в демократическом обществе в интересах государственной или общественной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья и нравственности населения или защиты прав и свобод других лиц»)¹³ и, как следствие, с п. 2 ст. 30 Конституции РФ¹⁴, согласно кото-

¹¹ Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 22 нояб. 2011 г. по делу № А41-11823/11. — URL : <http://ras.arbitr.ru>.

¹² Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 дек. 1948 г.) // Российская газета. — 1998. — 10 дек.

¹³ В Международном пакте о гражданских и политических правах (принят Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН 16 дек. 1966 г.) // Бюллетень ВС РФ. — 1994. — № 12.

¹⁴ Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. — 2014. — № 31. — Ст. 4398.

рому никто не может быть принужден к вступлению в какое-либо объединение или пребыванию в нем.

Данные конституционные гарантии в полной мере распространяются и на корпоративные отношения, возникающие в связи с выходом участника из ООО. Обозначенная позиция о распространении положений ч. 2 ст. 30 Конституции РФ на деятельность ООО подтверждена в научной литературе [1, с. 35]. В частности, со ссылкой на позицию Конституционного суда РФ, выраженную в Постановлении Конституционного суда РФ от 24 октября 1996 г. № 17-П¹⁵, определяется, что Общество по своей сути является объединением, созданным гражданами для совместной реализации права свободно использовать свои способности и имущество для предпринимательской и иной незапрещенной законом экономической деятельности, а также права иметь в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом как единолично, так и совместно с другими лицами [6, с. 38].

Представим для наглядности следующую ситуацию. Участник реализует свое право на выход из ООО, не получив при этом нотариально удостоверенного согласия своего супруга в порядке, предусмотренном п. 3 ст. 35 СК РФ. В связи с этим супруг вправе обратиться в суд с иском в порядке ст. 173.1 ГК РФ о признании недействительной оспоримой сделки по выходу участника из ООО. Несмотря на отмечаемую рядом ученых сложность вопросов доказывания того факта, что другая сторона сделки, которой в данном случае является общество, знала или должна была знать об отсутствии необходимого согласия супруга на момент совершения сделки, в связи с отсутствием обязанности участников ООО раскрывать информацию о том, что они находятся в браке, она все-таки не блокирует возможность

применения последствий, предусмотренных ГК РФ для недействительных сделок [9, с. 43].

В случае удовлетворения судом требований супруга и применения предусмотренных ст. 12 ГК РФ последствий недействительности сделки (например, восстановление положения, существовавшего до нарушения права), участник ООО будет восстановлен в своем прежнем статусе. Таким образом возникает специфическая ситуация, при которой супруг, не являющийся участником общества, имеет возможность понудить своего супруга являться членом ООО помимо своей воли. При этом обращаем внимание на то, что в законодательстве отсутствуют нормы, аналогичные п. 1 ст. 26 Закона об ООО, применительно к участникам непубличных акционерных обществ¹⁶ и производственных кооперативов¹⁷. В связи с этим участники ООО, обязанные представлять нотариальное согласие супруга при реализации права на выход из общества, фактически оказываются в худшем положении, нежели участники других коммерческих корпораций.

На основании изложенного приходим к выводу, что состоявшееся в 2016 г. реформирование Закона об ООО в части установления императивного требования получения участником нотариального согласия своего супруга на выход из ООО в случае нахождения доли в уставном капитале в общей собственности существенным образом ограничивает реализацию как корпоративных, так и конституционных прав участника. Полагаем, что в сложившейся ситуации актуальным будет рассмотрение вопроса о внесении изменений в п. 3 ст. 35 СК РФ, исключающих необходимость получения нотариально удостоверенного согласия супруга на распоряжение общим имуществом в случае реализации участником ООО своего корпоративного права на выход из общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондарева Е.В., Масуфранова Е.А. Содержание права на объединение в Российской Федерации // Актуальные проблемы правового регулирования деятельности общественных объединений: российский и зарубежный опыт : сб. науч. ст. по итогам Регионального научного круглого стола. – 2016. – С. 33-36.
2. Дергунов И.А. Принцип пропорциональности в акционерном праве как инструмент баланса прав акционеров // Вестник Арбитражного суда Московского округа. – 2015. – №1. – С. 122-135.
3. Илюшина М.Н. Сделки с долями в обществах с ограниченной ответственностью: вопросы теории и практики. – М., 2010. – 105 с.

---

¹⁵ По делу о проверке конституционности части первой статьи 2 Федерального закона от 7 марта 1996 г. «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об акцизах»: постановление Конституционного Суда РФ от 24 окт. 1996 г. № 17-П // Российская газета. – 1996. – 06 нояб.

---

¹⁶ Об акционерных обществах : федер. закон от 26 дек. 1995 г. № 208-ФЗ // СЗ РФ. – 1996. – №1. – Ст. 1.

¹⁷ О производственных кооперативах : федер. закон от 08 мая 1996 г. № 41-ФЗ // СЗ РФ. – 1996. – № 20. – Ст. 2321.

4. Кузнецова О.А. Нотариальная форма согласия супруга: некоторые вопросы правоприменительной практики // Современное право. – 2017. – № 4. С. 57-61.
5. Кукушкин С.Н. Проблема квалификации объекта корпоративного правоотношения // Юрист. – 2014. – № 21. – С. 10-15.
6. Малый Д.А. Конституционное право на объединение в Российской Федерации : монография. – СПб. : Юридический центр-Пресс, 2003. – 431 с.
7. Махнев А.В. Коллизии корпоративного и семейного права: о некоторых проблемах правового статуса имущества супругов // Общество, наука, инновации: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Вятский государственный университет. – 2017. – С. 5937-5947.
8. Пискунов Я. Концепции развития семейного законодательства у нас в стране нет (интервью с Л.Ю. Михеевой) // Закон. – 2017. – № 2. – С. 6-20.
9. Тихонов В.В. Распоряжение долей ООО – сделка, требующая одобрения супруга // Гражданское право. – 2017. – № 1. – С. 42-44.
10. Чашкова С.Ю. К вопросу об отграничении имущественных прав супругов от их корпоративных прав // Юстиция. – 2016. – № 1. – С. 47-55.
11. Черемных Г.Г., Бочковенко В.А. Минюст не вправе вводить формы удостоверительных надписей по нотариальным действиям, не предусмотренным законом // Нотариус. – 2017. – № 3. – С. 7-11.
12. Шершень Т.В. К вопросу о согласии на совершение сделки // Вопросы российской юстиции. – 2015. – № 2 (2). – С. 112-117.
13. Шмелева Т.В. Отчуждение доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью: тенденцию к смешению норм предпринимательского и семейного права // Вопросы современной юриспруденции. – 2016. – № 8-9 (59). – С. 60-67.

REFERENCE

1. Dergunov I. A. The principle of proportionality in joint stock law as a tool for the balance of shareholders' rights [Princip proporcional'nosti v akcionernom prave kak instrument balansa prav akcionerov]. *Vestnik Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga – Bulletin of the Arbitration Court of the Moscow District*. 2015. Issue 1. Pp. 122-135. (In Russ.).
2. SHershen' T. V. On the issue of consent to the transaction [K voprosu o soglasii na sovershenie sdelki] *Voprosy rossijskoj yusticii – Russian Justice Issues*. 2015. Issue 2 (2). Pp. 112-117. (In Russ.).
3. Ilyushina M. N. Transactions with shares in limited liability companies: issues of theory and practice [*Sdelki s dolyami v obshchestvakh s ogranichennoj otvetstvennost'yu: voprosy teorii i praktiki*]. Moscow, 2010. 105 p. (In Russ.).
4. Mahnyov A. V. Collisions of corporate and family law: on some problems of the legal status of spouses' property [Kollizii korporativnogo i semejnogo prava: o nekotoryh problemah pravovogo statusa imushchestva suprugov // *Obshchestvo, nauka, innovacii: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. (Society, Science, Innovations: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference). Kirov, 2017. Pp. 5937-5947. (In Russ.).
5. Kukushkin S. N. The problem of qualification of the object of corporate legal relationship [Problema kvalifikacii ob'ekta korporativnogo pravootnosheniya]. // *YUrist – Jurist*. 2014. Issue 21. Pp. 10-15. (In Russ.).
6. CHashkova S. YU. On the issue of delimitation of property rights of spouses from their corporate rights [K voprosu ob ogranichenii imushchestvennyh prav suprugov ot ih korporativnyh prav]. *Yusticiya – Justice*. 2016. Issue 1. Pp. 47–55. (In Russ.).
7. SHmeleva T. V. Alienation of a share in the authorized capital of a limited liability company: a tendency towards a mixture of business and family law [Otchuzhdenie doli v ustavnom kapitale obshchestva s ogranichennoj otvetstvennost'yu: tendenciyu k smesheniyu norm predprinimatel'skogo i semejnogo prava]. *Voprosy sovremennoj yurisprudencii – Questions of modern jurisprudence*. 2016. Issue 8-9 (59). Pp. 60 – 67. (In Russ.).
8. Kuznecova O. A. Notarial consent form of a spouse: some questions of law enforcement practice [Notarial'naya forma soglasiya suprugа: nekotorye voprosy pravoprimitel'noj praktiki]. *Sovremennoe pravo – Modern law*. 2017. Issue 4. Pp. 57–61. (In Russ.).
9. SHERemnyh G. G., BOCHKOVENKO V.A. The Ministry of Justice may not introduce any endorsement certifications for notarial acts not stipulated by law [Minyust ne vprave vvodit' formy udostoveritel'nyh nadpisej po notarial'nym dejstviyam, ne predusmotrennym zakonom]. *Notarius – Notary*. 2017. Issue 3. Pp. 7–11. (In Russ.).
10. Piskunov Y. A. We do not have a concept for the development of family law in our country [Interview with L.Yu. Mikheeva] [Konceptii razvitiya semejnogo zakonodatel'stva u nas v strane net [Interv'yu s L.YU. Miheevoj]]. *Zakon – «ZAKON» journal*. 2017. Issue 2. Pp. 6–20. (In Russ.).
11. Bondareva E. V., Masufranova E. A. Content of the right to associate in the Russian Federation [Soderzhanie prava na ob»edinenie v Rossijskoj Federacii] *Aktual'nye problemy pravovogo regulirovaniya deyatel'nosti obshchestvennyh ob»edinenij: rossijskij i zarubezhnyj opyt: sbornik nauchnyh statej po itogam Regional'nogo nauchnogo kruglogo stola*. (Actual problems of legal regulation of public associations: Russian and foreign experience: a collection of scientific articles on the basis of the Regional Scientific Round Table). 2016. Pp. 33 – 36. (In Russ.).
12. Malyj D. A. Constitutional right to unite in the Russian Federation [Konstitucionnoe pravo na ob»edinenie v Rossijskoj Federacii]. Sankt-Peterburg. 2003. 431 p. (In Russ.).
13. Tihonov V. V. Disposal of LLC Shares - Deal Subject to a Spouse's Approval [Rasporyazhenie dolej ООО – sdelka, trebuyushchaya odobreniya suprugа]. *Civil law. – Grazhdanskoe pravo*. 2017. Issue 1. Pp. 42–44. (In Russ.).

ПРОЛОГ:

ЖУРНАЛ О ПРАВЕ /

PROLOGUE:

LAW JOURNAL

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Истомина Дарья Юрьевна (Пермь) – магистрант юридического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета (614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15, e-mail: dariaistomina@yandex.ru).

Коротков Дмитрий Борисович (Пермь) – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Пермского государственного национального исследовательского университета (614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15, e-mail: korotkov-dmitry@mail.ru).

Сидорова Александра Витальевна (Пермь) – магистрант юридического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета (614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15, e-mail: aleksandra.sidorova.1996@mail.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Istomina, Daria Yurievna – Undergraduate, Law Faculty, Perm State National Research University (Bukerev st., 15, 614990, Perm, e-mail: dariaistomina@yandex.ru).

Korotkov, Dmitry Borisovich – PhD in Law, Ass. Professor, Department of Civil Law, Perm State National Research University (Bukerev st., 15, 614990, Perm, e-mail: korotkov-dmitry@mail.ru).

Sidorova, Alexandra Vitalievna – Undergraduate, Law Faculty, Perm State National Research University (Bukerev st., 15, 614990, Perm, e-mail: aleksandra.sidorova.1996@mail.ru).

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

УДК 341.9
ББК 67.93

Р.Ю. Колобов,
*Юридический Институт
Иркутского Государственного Университета
Иркутск, Российская Федерация
Восточно-Сибирский филиал
Российского государственного университета правосудия
Иркутск, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-1488-7530
ResearchID:H-4644-2016*

ИЗМЕНЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОСТИ И ЛИЧНОГО ЗАКОНА ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА (К ВОПРОСУ О МЕЖДУНАРОДНЫХ КОМПАНИЯХ)

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве / Prologue: Law Journal. — 2018. — № 4.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2018.4.5.
Дата поступления: 19.11.2018.

АННОТАЦИЯ

Рассматриваются новые для российского правового порядка правовые конструкции «редомициляция» и «международная компания», введенные в законодательство в 2018 г. Детальное рассмотрение получают вопросы приобретения статуса международной компании, основ ее правового статуса и прекращения этого статуса. Новые нормы о редомициляции сопоставляются с положениями гражданского законодательства, обеспечивавшими внесение в российский ЕГРЮЛ сведений об украинских организациях, имевших место нахождения на территории Республики Крым и г. Севастополь. В исследовании широко применяется сравнительно-правовой метод исследования: положения российского законодательства сопоставляются с аналогичными нормами правовой системы Джерси, Кипра, Сингапура и Мальты. Обращается внимание на проблемные аспекты регулирования редомициляции, в частности, на взаимодействие российского правового порядка и правовой системы инкорпорации международной компании. Неоднозначную оценку получают нормы закона, позволяющие международной компании ограничивать в ЕГРЮЛ доступ к сведениям о лице, имеющим право без доверенности действовать от имени международной компании. Акцентируется внимание на возможности различного толкования отдельных норм закона (например, регулирующих порядок принятия иностранным юридическим лицом решения о редомициляции). Отмечаются основные признаки редомициляции, позволяющие соотнести ее со смежными правовыми понятиями.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Личный закон; международные компании; редомициляция.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ

Колобов Р.Ю. Изменение национальности и личного закона юридического лица (к вопросу о международных компаниях) // Пролог: журнал о праве / Prologue: Law Journal. — 2018. — № 4.

R.YU. Kolobov,
Irkutsk Institute of Irkutsk State University

A CHANGE OF AN ETHNIC NATIONALITY AND A PERSONAL LAW OF A LEGAL PERSON (TO THE ISSUE OF INTERNATIONAL COMPANIES)

PUBLICATION DATA

Prologue: Law Journal. — 2018. — № 4.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2018.4.5.
Submission date: 19.11.2018.

ABSTRACT

The article discusses the legal construction of «redomiciliation» and «international company», introduced in the legislation in 2018, which is new for Russian law and order. The author examines the issues of international company status obtaining, the foundations of its legal status and the termination of this status.

The new rules on redomiciliation are compared with the civil legislation provisions which can insert the information about Ukrainian organizations with the location in the territory of the Republic of Crimea and Sevastopol city into the Russian Single State register of Legal Entities. The author uses the comparative legal method of research: the provisions of the Russian legislation are compared with similar rules of the legal system of Jersey, Cyprus, Singapore and Malta.

The author pays attention to the problematic aspects of redomiciliation regulation, in particular, to the interaction of the Russian legal order and the legal system of incorporation of an international company, and ambiguously assesses the provisions of the law that allow an international company to restrict access to the information about a person entitled to act on behalf of an international company without a power of an attorney in the Russian Single State register of Legal Entities. The article focuses on the possibility of different interpretations of certain provisions of the law (for example, regulating the procedure for making a decision on redomiciliation by a foreign legal entity), and notes the main features of redomiciliation, allowing to correlate it with related legal concepts.

KEYWORDS

Personal law; international companies; redomiciliation.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Kolobov R.Yu. A change of an ethnic nationality and a personal law of a legal person (to the issue of international companies) // Prologue: Law Journal. — 2018. — № 4.

Личный закон юридического лица является одной из опорных категорий международного частного права, традиционно получающей широкое освещение в доктрине [2; 3; 6; 7]. В 2002 г. с вступлением в силу ч. III ГК РФ¹, в российском законодательстве появилось детальное регулирование определения

lex societatis. В 2013 г. в рамках масштабной реформы гражданского законодательства ст. 1202 ГК РФ была дополнена решениями, воплощающими коллизионный аспект теории «снятия корпоративных покровов» [4; 1]. Одним из других направлений исследования правовой конструкции lex societatis является анализ возможности его изменения. Если lex personalis физических лиц может меняться, и в этом нет ничего необычного, то возможность изменения личного закона юридическо-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) : федер. закон от 26 нояб. 2001 г. № 146-ФЗ // СЗ РФ. — 2001. — № 49. — Ст. 4552.

го лица — новое явление для российской правовой системы.

В рамках выступлений на одной из иркутских конференций мы уже обращались к вопросу об изменении личного закона юридического лица [5]. Тогда речь шла о внесении в российский ЕГРЮЛ сведений о юридических лицах, зарегистрированных на Украине и имевших свое место нахождения на территории Крыма и Севастополя на момент проведения референдума о вхождении республики Крым в состав РФ. Действительно, такие юридические лица имели возможность привести свои учредительные документы в соответствие с законодательством России и обратиться в налоговые органы с заявлением о внесении в российский ЕГРЮЛ. С момента внесения сведений о таких юридических лицах в российский ЕГРЮЛ, они приобретали права и обязанности российских организаций, а их личным законом становилось российское право (ст. 19 Вводного закона к ч. I ГК РФ)². Логичным продолжением этой нормы стали изменения в ст. 1202 ГК РФ: с 2014 г. российский личный закон стал атрибутом юридических лиц, учрежденных не только в России, но и на Украине, если они прошли через процедуру редомициляции в России, изменив свой личный закон³. Таким образом, до недавнего времени российское право выступало личным законом у двух категорий организаций. Во-первых, у тех, которые изначально были учреждены в России, и, во-вторых, у юридических лиц, изначально учрежденных на Украине, но внесенных в российский ЕГРЮЛ. По данным Федеральной налоговой службы эту своеобразную «перерегистрацию» прошло 16 тыс. 191 юридическое лицо⁴, и это число, судя по всему, существенно не изменится.

² О введении в действие части первой Гражданского Кодекса Российской Федерации : федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 52-ФЗ // СЗ РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3302.

³ О внесении изменений в Федеральный закон «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» и статью 1202 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации : федер. закон от 5 мая 2014 г. № 124-ФЗ // СЗ РФ. — 2014. — № 19. — Ст. 2329.

⁴ Сведения о юридических лицах, созданных на территории Республики Крым и г. Севастополя до 18 марта 2014 г., сведения о которых внесены в ЕГРЮЛ в связи с приведением ими своих учредительных документов в соответствие с законодательством Российской Федерации по состоянию на 26 марта 2018 г. — URL : https://www.nalog.ru/html/sites/www.new.nalog.ru/docs/Krim/ul_Krim_26032018.xls.

Политические события последних лет, связанные с чередой ограничительных мер внешней торговли и инвестиционной деятельности, не могли не повлиять на институты международного частного права, особенно в части регулирования корпоративных отношений. После того, как крупные российские предприниматели стали попадать в санкционные списки (SDN list — specially designated nationals list), российские органы власти приняли ряд разнообразных ответных мер. В числе таких мер была закреплена возможность перехода иностранных компаний под российскую юрисдикцию и приобретения ими российского личного закона посредством процедуры редомициляции, формализованной в получении статуса международной компании. Такие международные компании могут иметь место нахождения в пределах двух указанных специальных административных районов. В июне 2018 г. в Государственную Думу РФ были внесены семь законопроектов, обеспечивающих реализацию этой идеи. Уже в августе они были подписаны Президентом РФ. Этими нормативными актами внесены изменения в гражданское, налоговое и валютное законодательство, законодательство об арбитраже.

Общей предпосылкой функционирования международных компаний стало создание двух специальных административных районов (далее — САР) на территориях Калининградской области (о. Октябрьский) и Приморского края (о. Русский)⁵. Не вдаваясь в подробности административно-правового регулирования основ деятельности этих районов, отметим лишь основное положение закона о САР, имеющее непосредственное влияние на определение правового статуса международных компаний. Во втором чтении законопроекта было принято решение ограничить возможность участия в деятельности района в качестве международных компаний российских организаций. Участниками САР не могут быть кредитные организации, некредитные финансовые организации, операторы платежных систем и операторы услуг платежной инфраструктуры (п. 4 ст. 5 закона о САР).

Рассмотрим частноправовые аспекты статуса международной компании, особенности его приобретения и прекращения.

Правовой статус международной компании определяется Федеральным законом «О

⁵ О специальных административных районах на территориях Калининградской области и Приморского края : федер. закон от 3 авг. 2018 г. № 291-ФЗ // СЗ РФ. — 2018. — № 32. — Ст. 5084.

международных компаниях» от 3 августа 2018 г. № 290-ФЗ⁶ (далее — Закон о международных компаниях). Этот закон сформулировал ряд требований для получения анализируемого правового статуса. Такой компанией может стать: 1) иностранное юридическое лицо, 2) являющееся корпоративной организацией, 3) принявшее решение об изменении личного закона в порядке редомициляции, 4) осуществляющее предпринимательскую деятельность на территории нескольких государств, в том числе на территории России, 5) принявшее обязательства по осуществлению в России инвестиций в размере не менее 50 млн руб., 6) зарегистрированное в стране-члене ФАТФ/Манивэл.

В аспекте международного частного права приобретение статуса международной компании интересно, конечно же, изменением личного закона такого юридического лица. Федеральный закон «О внесении изменения в статью 1202 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» от 3 августа 2018 г. № 292-ФЗ⁷ внес изменения в ст. 1202 ГК РФ и добавил в перечень исключений определения личного закона юридического лица на основе принципа инкорпорации ситуацию с международными компаниями. Таким образом, на сегодняшний день российский личный закон, помимо двух указанных в начале статьи групп юридических лиц, признается и за международными компаниями, несмотря на то, что учреждены они были за пределами России.

Процесс редомициляции начинается с принятия решения юридическим лицом, и при принятии такого решения сразу возникает вопрос о взаимодействии двух правовых систем — изначальной инкорпорации и российского права. В ст. 1 Закона о международных компаниях указывается, что иностранное юридическое лицо, желающее получить статус международной компании, должно принять «... решение об изменении своего личного закона в установленном таким личным законом порядке». Само по себе это положение может быть истолковано двояко. Во-первых, как устанавливающие условием редомициляции ее допущение исходным правом порядком, т.е. в котором юридическое лицо было изна-

чально зарегистрировано. Такой подход действительно встречается в законодательстве некоторых стран. Например, в кипрском законе о компаниях указывается, что в случае редомициляции иностранной компании в республике Кипр, организация подает заявление об этом, а также представляет документы, подтверждающие, что «... такое заявление допустимо по закону государства или юрисдикции, в которой иностранное лицо зарегистрировано» (подп. (h) п. 1 ст. 354С Закона о компаниях)⁸. Законодательство Сингапура также устанавливает в числе минимальных требований к иностранной компании, подающей заявление на редомициляцию, позитивное отношение к такой процедуре со стороны права страны инкорпорации⁹. Сходное требование содержится в праве Мальты: иностранная компания может просить Регистратора о редомициляции, если в праве страны инкорпорации существует правило, разрешающее редомициляцию¹⁰, или в праве Джерси (ст. 127Н закона о компаниях)¹¹.

Но это же положение можно трактовать и иначе, а именно, как предписывающее принимать решение о редомициляции, руководствуясь общими нормами иностранного права о порядке принятия решений (о количестве голосов, порядке уведомления участников и т. д.). При грамматическом толковании возможны оба варианта, при систематическом — скорее второй. В законе о международных компаниях рассматривается ситуация «исходящей» редомициляции международной компании. Иначе говоря, международная компания, которая вначале изменила свой личный закон с иностранного на российский, может впоследствии покинуть российскую юрисдикцию и перейти в иностранную. Статья 11 Закона о международных компаниях закрепляет, что такое изменение воз-

⁶ О международных компаниях : федер. закон от 3 авг. 2018 г. № 290-ФЗ // СЗ РФ. — 2018. — № 32. — Ст. 5083.

⁷ О внесении изменений в статью 1202 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации : федер. закон от 3 авг. 2018 г. № 292-ФЗ // СЗ РФ. — 2018. — № 32. — Ст. 5085.

⁸ The Companies Law (English translation and consolidation). — URL : [http://www.olc.gov.cy/-olc/olc.nsf/all/E1EAEB38A6DB4505C2257A70002A0BB9/\\$file/The%20Companies%20Law,%20Cap%20113.pdf?openelement](http://www.olc.gov.cy/-olc/olc.nsf/all/E1EAEB38A6DB4505C2257A70002A0BB9/$file/The%20Companies%20Law,%20Cap%20113.pdf?openelement).

⁹ Companies act (chapter 50). Companies (Transfer of Registration) Regulations. Arrangement of Regulations. — URL : [https://www.acra.gov.sg/uploadedFiles/Content/Legislation/Companies_\(Transfer_of_Registration\)_Regulations_2017.pdf](https://www.acra.gov.sg/uploadedFiles/Content/Legislation/Companies_(Transfer_of_Registration)_Regulations_2017.pdf).

¹⁰ Subsidiary Legislation 386.05. Continuation of Companies Regulations. — URL : <http://www.justiceservices.gov.mt/DownloadDocument.aspx?app=lom&itemid=10494>.

¹¹ Companies (Jersey) Law 1991. Revised edition. 13.125. — URL : https://www.jerseylaw.je/laws/-revised/Pages/13.125.aspx#_Toc507411195.

можно, если законодательство иностранного государства позволяет осуществить такую регистрацию. Следовательно, если бы законодатель желал сформулировать такое же требование при «входной» редомициляции, он бы указал на это прямо, как и в ст. 11 (например, так: «... приобретение статуса международной компании возможно, если это допускается законодательством страны инкорпорации»). Такое толкование очевидно вписывается и в логику принятия закона, если принять за одну из причин его появления предоставление российским бизнес-структурам, попавшим под санкции, возможности изменить свою национальность. Очевидно, если исходить из первого варианта толкования (т. е. признания необходимости позитивного отношения законодательства первичной инкорпорации к редомициляции), то достижение целей закона может быть проблематичным. Законодательство не всех стран предусматривает возможность редомициляции, а право стран, допускающих такую процедуру, может устанавливать дополнительные условия перемены регистрации¹². Таким образом, «входная» в Россию редомициляция осуществляется независимо от ее допущения иностранным правом, а «исходящая» — при признании такой возможности правопорядком-дестинатором.

Нельзя сказать, что полностью ясное решение получил вопрос об отношениях юридического лица с правопорядком первичной инкорпорации. Пункт 14 ст. 5 Закона о международных компаниях устанавливает, что иностранное юридическое лицо подлежит исключению из реестра иностранных юридических лиц в государстве своего первоначального личного закона в течение шести месяцев со дня внесения в ЕГРЮЛ сведений о редомициляции, если больший срок не установлен законодательством страны первоначального личного закона. Неясно кому адресовано такое законоположение. Если иностранному юридическому лицу, то логичней было бы его так и сформулировать: «... юридическое лицо обязано предпринять действия, необходимые в соответствии с нормами первоначального личного закона для исключения записи о нем из реестра юридических лиц иностранного государства». Но буквальная формулировка закона звучит так, как будто устанавливает срок для осуществления административной процедуры в иностранном государстве, что

невозможно по очевидным причинам. Закон не регулирует последствия сохранения регистрации в иностранном государстве, что может поставить вопрос о наличии двух «национальностей» юридического лица. В законодательстве некоторых иностранных государств обязанность по исключению сведений о юридическом лице из реестра инкорпорации регулируется более детально (как и последствия неисполнения такой обязанности). В законодательстве Мальты закрепляется двуступенчатая процедура редомициляции. На первой стадии, после представления необходимых документов, регистратор выдает временное свидетельство о регистрации. В течение шести месяцев компания обязана представить документы, подтверждающие, что «... компания перестала быть компанией, зарегистрированной в стране или юрисдикции, где она была изначально сформирована и инкорпорирована или зарегистрирована»¹³. Если юридическое лицо не представляет такой документ, регистратор либо продляет этот срок еще на три месяца (при наличии разумных причин), либо исключает юридическое лицо из реестра и информирует власти страны инкорпорации юридического лица, что организация не приобрела регистрацию в Мальте. В законе о компаниях Сингапура также закрепляются последствия невыполнения требований о прекращении регистрации в стране инкорпорации. Иностранная компания, прошедшая процедуру редомициляции, обязана в течение 60 дней после издания уведомления о переходе (transfer) регистрации представить регистратору документ о дерегистрации по месту инкорпорации. Этот срок может быть продлен по причинам, которые регистратор найдет приемлемыми (пп. 6 и 7 ст. 359).

Став международной компанией, иностранное юридическое лицо приобретает форму либо общества с ограниченной ответственностью, либо акционерного общества, поскольку в законе речь идет о хозяйственном обществе, со статусом международной компании (п. 1 ст. 1), на которое распространяется законодательство об обществах с ограниченной ответственностью и акционерных обществах (п. 3 ст. 1). Такой же подход используется и в иных правопорядках, предусматривающих возможность редомициляции иностранных юридических лиц. В законе Мальты указывается, что с момента выдачи временного

¹² Но многие правопорядки содержат такую возможность, например, рассматриваемые в настоящей статье правовые системы Джерси, Кипра, Мальты, Сингапура, Острова Мэн.

¹³ Subsidiary Legislation 386.05. Continuation of Companies Regulations. — URL : <http://www.justiceservices.gov.mt/DownloadDocument.aspx?app=lom&itemid=10494>.

свидетельства, компания считается временно зарегистрированной в соответствии с законом о компаниях (ст. 6). Закон о компаниях Сингапура закрепляет схожий подход, приравнивая организацию, прошедшую редомициляцию, к компаниям, зарегистрированным в соответствии с этим законом (п. 1 ст. 361).

Вопрос, относящийся в меньшей степени к международному частному праву, а в большей к корпоративному — это возможность обеспечить конфиденциальность некоторой корпоративной информации. Две категории сведений могут быть ограничены в доступе по заявлению такой международной компании (ст. 6): 1) об участниках международной компании и 2) сведения о лице, имеющем право без доверенности действовать от ее имени. И если ограничение в доступе к первой категории сведений еще как-то можно вписать в сформировавшиеся подходы к регулированию корпоративных отношений, то ограничение доступа к сведениям о лицах, имеющих право без доверенности действовать от имени международной компании, представляет собой весьма спорное решение. Международная компания с момента регистрации в российском ЕГРЮЛ становится российским юридическим лицом. Одна из основных функций единоличного исполнительного органа юридического лица состоит в приобретении прав и обязанностей для юридического лица. Соответственно, сведения о лицах, имеющих право без доверенности действовать от имени юридического лица, критически важны для всех участников гражданского оборота. Действующая редакция ст. 51 ГК РФ закрепляет очень важные признаки реестровых записей ЕГРЮЛ. Как известно, лицо, добросовестно полагающееся на данные реестра, вправе исходить из того, что они соответствуют действительности, а юридическое лицо не может ссылаться на несоответствие этих сведений действительности (исключение составляют случаи внесения в ЕГРЮЛ данных помимо воли юридического лица). Обнаруживая в ЕГРЮЛ сведения о лице, действующем без доверенности от имени юридического лица, его контрагент может быть уверен, что именно оно обладает полномочиями действовать без доверенности. Еще одну грань этого вопроса составляет проблема множественности единоличных исполнительных органов. Сведения о том, действуют такие органы совместно или раздельно должны содержаться в реестре (п. 1 ст. 53 ГК РФ). По этим причинам, такое законодательное решение о возможности ограничения доступа к данным о единолич-

ных исполнительных органах, содержащимся в ЕГРЮЛ, может вызвать затруднения у добросовестных участников оборота.

Определяя место редомициляции в системе юридических понятий, необходимо отметить, что законодатель подчеркивает ее отличие от правопреемства. Пункт 5 ст. 4 Закона о международных компаниях прямо закрепляет, что в связи с государственной регистрацией международной компании не возникает отношений правопреемства между ней и иностранным юридическим лицом. Очевидно, что этот же подход отмечается и в п. 2 ст. 4, закрепляющем, что датой создания международной компании считается дата регистрации (создания) иностранного юридического лица, а также, что при редомициляции не возникает традиционных атрибутов реорганизации в виде досрочного исполнения обязательств организации. В какой-то степени такая ситуация напоминает изменение наименования юридического лица, при котором также не возникает отношений правопреемства. В иностранной правовой доктрине и практике для описания такого эффекта иногда используют слово *continuation*¹⁴ — продолжение юридического лица. Иностранные законы о компаниях также подчеркивают отсутствие универсального правопреемства и сохранение оригинальной «личности» юридического лица. Например, в законе о компаниях Сингапура в ст. 361 содержатся схожие положения: регистрация иностранной компании не создает новое юридическое лицо (подп. а п. 2 ст. 361), не затрагивает собственность, права и обязанности иностранного юридического лица (подп. с п. 2 ст. 361); не влияет на судебные процессы с участием иностранного юридического лица (подп. d п. 2 ст. 361).

Схожий подход использовался и при изменении личного закона крымских юридических лиц. Пункт 6 ст. 19 Федерального закона «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» от 30 ноября 1994 г. № 52-ФЗ¹⁵, закрепляет, что внесение в российский ЕГРЮЛ сведений об украинских юридических лицах не является реорганизацией юридических лиц (соответственно, у кредиторов не возникают права, предусмотренные ст. 60 ГК РФ).

¹⁴ Например, в цитированном законе Мальты часть первая называется: «Continuation in Malta of a Foreign Company».

¹⁵ О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 52-ФЗ // СЗ РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3302.

ПРОЛОГ:

ЖУРНАЛ О ПРАВЕ /

PROLOGUE:

LAW JOURNAL

R. Yu. Kolobov. A change of an ethnic nationality and a personal law of a legal person (to the issue of international companies)

Колобов Р.Ю. Изменение национальности и личного закона юридического лица (к вопросу о международных компаниях)

Отдельное регулирование получает вопрос о прекращении статуса международной компании. Законодатель предусмотрел два варианта такого прекращения. Первый предполагает утрату статуса международной компании без изменения личного закона 1) на основании заявления юридического лица; 2) при невыполнении им требований, предусмотренных законом для приобретения этого статуса; 3) в случае реорганизация в форме присоединения к международной компании нерезидента специального административного района¹⁶. Эти законоположения означают, что организация с потерей статуса международной компании становится обычным российским юридическим лицом, к которому применяются положения специальных законов о хозяйственных обществ (разумеется, с сохранением прав и обязанностей, возникших до прекращения статуса международной компании).

Второй вариант прекращения статуса международной компании предполагает изменение личного закона, т. е. повторную или «исходящую» редомициляцию. Для такого изменения личного закона необходимо наличие совокупности условий: волеизъявление компании, выраженное в заявлении; решение об-

щего собрания международной компании; отсутствие задолженности по налогам и сборам, иной задолженности перед российским бюджетом; согласие Правительства России. Анализируя эти положения закона, необходимо отметить отсутствие каких-либо оснований для принятия Правительством РФ решения о санкционировании в изменении личного закона. Обстоятельства принятия пакета законов от 3 августа 2018 г. позволяют предположить, что многие механизмы, ими предусмотренные, являются «штучными» и решение будет приниматься по каждой ситуации конкретно, что не позволяет выделить каких-то общих критериев принятия таких решений.

Таким образом, можно утверждать, что в российской правовой системе произошло формирование юридического понятия «редомициляция юридического лица». Под ней необходимо понимать изменение личного закона юридического лица вследствие его волеизъявления, когда такое изменение допускается законом. В российской правовой системе редомициляция носит характер *ad hoc*: она выступает необходимой правовой реакцией на политические и экономические события (как в 2014 г., так и в 2018 г.).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асосков А.В. Коллизионное регулирование снятия корпоративных покровов // Вестник гражданского права. — 2013. — № 5. — С. 120-144.
2. Асосков А.В. Личный закон юридического лица: комментарий к статье 1202 Гражданского кодекса Российской Федерации // Вестник гражданского права. — 2016. — № 2. — С. 113-137.
3. Асосков А.В. Правовые формы участия юридических лиц в международном коммерческом обороте. — М., 2003. — 349 с.
4. Асосков А.В. Реформа раздела VI «Международное частное право» Гражданского кодекса РФ // Хозяйство и право. — 2014. — № 2. — С. 3-28.
5. Колобов Р.Ю. Некоторые вопросы изменения национальности и личного закона юридического лица: новейший опыт // Проблемы современного российского законодательства: материалы III Всерос. науч.-практ. конф. (г. Иркутск, 3 дек. 2014 г.). — Иркутск; М.: РПА Минюста России, 2015. — С. 126-128.
6. Новиков В.В. Личный закон и национальность иностранных лиц в России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2006. — № 3. — С. 95-99.
7. Юсифова Р.Т. Личный закон и национальность юридического лица : понятие и соотношение в современном международном частном праве : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2009. — 213 с.

REFERENCE

1. Asoskov A.V. Conflict regulation of removal of corporate covers [Kollizionnoe regulirovanie snyatiya korporativnyh pokrovov]. *Vestnik grazhdanskogo prava – Civil Law Bulletin*. 2013. Issue 5. Pp. 120-144. (In Russ.).
2. Asoskov A.V. Legal forms of participation of legal entities in the international commercial circulation [*Pravovye formy uchastiya yuridicheskikh lic v mezhdunarodnom kommercheskom oborote*]. Moscow, 2003. 349 p. (In Russ.).

¹⁶ Равным образом статус международной компании не переходит к юридическим лицам, создаваемым в результате реорганизации в форме слияния, разделения и выделения.

3. Asoskov A.V. Personal law of a legal entity: a commentary on article 1202 of the Civil Code of the Russian Federation [Lichnyj zakon yuridicheskogo lica: kommentarij k stat'e 1202 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii]. *Vestnik grazhdanskogo prava – Civil Law Bulletin*. 2016. Issue 2. Pp. 113-137. (In Russ.).

4. Asoskov A.V. Reform of Section VI "Private International Law" of the Civil Code of the Russian Federation [Reforma razdela VI «Mezhdunarodnoe chastnoe pravo» Grazhdanskogo kodeksa RF]. *Hozyajstvo i pravo – Business and Law*. 2014. Issue 2. Pp.3-28. (In Russ.).

5. Kolobov R.YU. Some issues of changing the nationality and personal law of a legal entity: the latest experience [Nekotorye voprosy izmeneniya nacional'nosti i lichnogo zakona yuridicheskogo lica: noveshij opyt]. *Problemy sovremennogo rossijskogo zakonodatel'stva. Materialy 3 Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii: sbornik statej*. (Problems of modern Russian legislation. Materials of the 3rd All-Russian Scientific and Practical Conference: a collection of articles). Moscow. 2015. Pp. 126-128. (In Russ.).

6. Novikov V.V. Personal law and nationality of foreign persons in Russia [Lichnyj zakon i nacional'nost' inostrannyh lic v Rossii]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii – Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2006. Issue 3. Pp. 95-99. (In Russ.).

7. YUsifova R.T. Personal law and the nationality of a legal entity: the concept and relationship in modern international private law [Lichnyj zakon i nacional'nost' yuridicheskogo lica: ponyatie i sootnoshenie v sovremennom mezhdunarodnom chastnom prave: dissertatsiya kandidata yuridicheskikh nauk]. Moscow, 2009. 213 p. (In Russ.)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Колобов Роман Юрьевич (Иркутск) — кандидат юридических наук, заведующий сектором фундаментальных исследований Научно-исследовательского института правовой охраны Байкала Иркутского государственного университета, доцент кафедры гражданского права Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, (664082, Иркутск, ул. Улан-Баторская, 10, e-mail: roman.kolobov@gmail.com).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kolobov, Roman Yurievich — PhD in Law, Ass. Professor, Department of Civil Law, East Siberian Branch of the Russian State University of Justice; Head of the Fundamental Research Sector of Legal Protection of Lake Baikal (Ulan-Batorskaia st. 10, 664082, Irkutsk, e-mail: roman.kolobov@gmail.com).

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

УДК 347.2/3
ББК 67.404

О.С. Начарова,
*Главный специалист управления корпоративных процедур
ПАО «Т Плюс»
Москва, Российская Федерация*

ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ В СИСТЕМЕ ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве / Prologue: Law Journal. — 2018. — № 4.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2018.4.6.
Дата поступления: 12.10.2018.

АННОТАЦИЯ

Рассматривается роль и место памятников истории и культуры в системе объектов гражданских прав. Определяются юридически значимые признаки объектов культурного наследия, как объектов гражданских прав, роль категорий историко-культурного значения в формировании объекта культурного наследия как объекта гражданских прав. Раскрывается содержание оборотоспособности объектов культурного наследия. Определяются субъекты прав на объекты культурного наследия и объем их правомочий и обременений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Гражданское право; объекты культурного наследия; памятники истории и культуры; категории историко-культурного значения; охранное обязательство; право собственности; обременение вещных прав.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ

Начарова О.С. Памятники истории и культуры в системе объектов гражданских прав // Пролог: журнал о праве / Prologue: Law Journal. — 2018. — № 4.

O.S. Nacharova,
Public Joint Stock Company «T Plus»

MONUMENTS OF HISTORY AND CULTURE IN THE SYSTEM OF CIVIL RIGHTS OBJECTS

PUBLICATION DATA

Prologue: Law Journal. — 2018. — № 4.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2018.4.6.
Submission date: 12.10.2018.

ABSTRACT

The article is devoted to the role and place of historical and cultural monuments in the system of civil rights objects. The author determines the legally significant features of cultural heritage objects as the objects of civil rights and the role of the categories of historical and cultural significance in the formation of the object of cultural heritage as an object of civil rights, reveals the content of the turnover of cultural heritage objects, and also determines the subjects of rights to cultural heritage objects and the scope of their powers and encumbrances.

KEYWORDS

Civil law; objects of cultural heritage; historical and cultural monuments; categories of historical and cultural significance; security obligation; property right; property rights encumbrance.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Nacharova O. S. Monuments of history and culture in the system of civil rights objects // Prologue: Law Journal. — 2018. — № 4.

В цивилистической науке проблема объектов гражданских прав исследуется еще со времен становления римского права и на текущий момент можно отметить, что существует большое количество трудов, посвященных изучению объектов с точки зрения общей теории права, правоотношений, вещных прав. Данными исследованиями занимались такие правоведы как М.М. Агарков, С.Н. Братусь, А.В. Венедиктов, О.С. Иоффе, Д.И. Мейер, И.А. Покровский, Е.А. Суханов, Г.Ф. Шершеневич и др. Одновременно с этим, значительные научные усилия направлены на изучение отдельных видов объектов гражданских прав и выявление особенностей их правового режима. В рамках данной работы будет определено место объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) в системе объектов гражданских прав.

Как отмечает В.А. Лапач, существует необычайное множество трудно согласуемых друг с другом представлений об объекте правоотношения, которые, однако, в конечном счете, могут быть сведены к монистическому либо к плюралистическому пониманию объекта. При этом ученый подчеркивает, что общетеоретическое понимание объекта правового отношения (в любых возможных вариантах такого понимания) основывается практически во всех случаях на данных, доставляемых только одной отраслевой юридической дисциплиной — наукой гражданского права [7, с. 1]. Для целей данного исследования мы будем исходить из плюралистического подхода к пониманию объектов гражданских прав, как наиболее распространенного в научной и практической среде.

Основными признаками объектов гражданских прав ученые выделяют: способность к удовлетворению человеческих интересов; обособленность и определенность предмета, притязающего на статус объекта; являются результатом человеческого труда; отнесение к объекту должно найти отрицательное или положительное отражение в постановке положительного закона [3, с. 254].

Следует согласиться с В. А. Беловым, который считает, что объектом гражданских прав «... является любая материальная или не-

материальная субстанция, любое благо, имманентные свойства которого создают возможность удовлетворения законных интересов лица-носителя субъективного гражданского права на него и, вместе с тем, предопределяют природу, содержание и динамику этого права» [4, с. 249].

Таким образом, объекты гражданских прав — то, на что направлены права и обязанности субъектов. Таким образом объектами гражданских прав являются материальные и нематериальные блага, по поводу которых субъекты права вступают между собой в гражданско-правовые отношения.

Статья 128 ГК РФ¹ перечисляет виды объектов гражданских прав. К ним относятся вещи, включая наличные деньги и документарные ценные бумаги, иное имущество, в том числе безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, имущественные права; результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага. При этом очевидно, что объекты культурного наследия должны быть отнесены либо к вещам, либо к иному имуществу.

Следует подчеркнуть, что перечень объектов гражданских прав, сформулирован законодателем как исчерпывающий, тем не менее по отдельным видам объектов считать его таковым невозможно, поскольку в отношении иного имущества используется оборот «в том числе». Кроме того, не имеет вовсе никакого нормативного определения понятие вещей. Ведущиеся вокруг него доктринальные споры не прибавляют этому вопросу определенности. Результатом становятся систематические попытки практического установления гражданских правоотношений по поводу ценностей, место которых в системе объектов гражданских прав, предложенной ст. 128 ГК РФ, не может быть определено с достаточной степенью точности [4, с. 250].

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : федер. закон РФ от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.

При этом вещи являются наиболее распространенным и изученным объектом гражданских прав. Основными признаками вещей как объектов гражданских прав является их материальная природа и способность удовлетворять те или иные потребности людей. При этом следует иметь в виду, что вещами не будут являться предметы, не только не обладающие полезными свойствами, но и предметы, полезные свойства которых еще не открыты людьми или не доступны на данном этапе развития человеческой цивилизации (например, космические тела).

Если обратиться к доктрине, то под вещью, например, Е.А. Суханов понимает «... материальный предмет (физически осязаемый объект), обладающий пространственными характеристиками, имеющими экономическую форму товара и в силу этого относящийся к объектам гражданских прав. И добавляет, что земельные участки, участки недр и иные виды природных и энергетических ресурсов, при условии их обособления от однородных объектов, допускающего их индивидуализацию имеют гражданско-правовой режим» [10]. Схожие характеристики можно встретить и в иных определениях: вещи — это предметы материального внешнего мира, находящиеся в твердом, жидком, газообразном или ином физическом состоянии [8].

Для удобства регулирования гражданско-правовых отношений, связанных с вещами, наукой разрабатывается, а затем применяется на практике классификация вещей по различным основаниям. Для отнесения объектов культурного наследия к той или иной классификационной группе необходимо более подробно остановиться на делении вещей на движимые и недвижимые, в целом и на дальнейшей классификации недвижимых вещей в частности.

ГК РФ различает два вида недвижимых вещей: вещи, недвижимые по их природе, и вещи, отнесенные к таковым в силу закона, — воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания, космические объекты. В свою очередь вещи, недвижимые по природе, подразделяются на две категории: объекты, являющиеся единым целым с земельным участком, и вещи, прочно связанные с землей, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, например, здания и сооружения.

Если рассматривать такой признак недвижимой вещи, как невозможность ее перемещения без несоразмерного ущерба, то можно отметить следующий подход правовой науки, который исходит из экономической целе-

сообразности, поскольку с учетом современного уровня развития техники перемещение недвижимого объекта все-таки возможно. Если создание нового объекта экономически более выгодно, чем перемещение такого объекта, следует относить его к объектам недвижимости. Однако после перемещения такие объекты могут быть квалифицированы как объекты недвижимости только при восстановлении их неразрывной связи с землей. Таким образом, лучше говорить о неразрывной связи с землей, подразумевая под этим неразрывную связь с земельным участком, на котором данный объект расположен. Поэтому разрушение или перенос имущества на другой земельный участок означает, что юридически происходит разрушение объекта недвижимости на одном земельном участке и возникновение ее на другом [6].

Так, О. Ю. Скворцов отмечает, что закон признает недвижимым только то имущество, которое может быть использовано по назначению только в неразрывной связи с землей [9, с. 48]. Это и представляется большинству авторов наиболее адекватным критерием отнесения к недвижимому имуществу таких объектов, как здания, сооружения, так как эти объекты представляют ценность именно в своей связи с землей.

Указанному критерию соответствуют и объекты культурного наследия.

Согласно ст. 3 Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ² (далее — Закон об объектах культурного наследия) к памятникам истории и культуры относятся объекты недвижимого имущества, т. е. такие объекты, которые в соответствии со ст. 130 ГК РФ являются объектами гражданских прав, прочно связанных с землей, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно и обладающие ценностью с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры, являющиеся свидетельством эпох и цивилизаций, подлинными источниками информации о зарождении и развитии культуры. Таким образом, все объекты недвижимого имущества, обладающие указанной ценностью, являются объектами культурного наследия.

² Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации : федер. закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

Для объектов культурного наследия такой признак недвижимого имущества, как наличие прочной связи с землей имеет особое значение, поскольку перенесение объекта культурного наследия является не просто экономически не целесообразным, но и в принципе невозможным, так как при перемещении объект утратит свою историческую связь с участком, на котором он возведен. Земельный участок зачастую непосредственно связан с историческими и культурными событиями, послужившими основанием для присвоения объекту статуса культурного наследия. Таким образом, перенос памятника истории и культуры допустим только для целей сохранения объекта, если в силу различных обстоятельств обеспечить его сохранение на его историческом месте не удастся, соответственно создание нового объекта в принципе невозможно.

На основании изложенного, можно сделать вывод, что объекты культурного наследия являются: во-первых, объектами гражданских прав, поскольку наделены всеми признаками объектов; во-вторых, являются вещью с точки зрения видового деления.

При этом в правовой доктрине на данный момент отсутствует единая позиция о том, к какому виду вещей относятся объекты культурного наследия. Некоторые ученые считают целесообразным использовать термин «недвижимые объекты культурного наследия», поскольку термин «объекты культурного наследия», по их мнению, в том объеме, в котором он раскрывается в Законе об объектах культурного наследия, не отражает полностью характер объектов, которые в себя включает.

Помимо прочной связи с землей объекты культурного наследия связаны и с произведениями живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, объектами науки и техники и иными предметами материальной культуры. Таким образом, сразу возникает вопрос как рассматривать объект культурного наследия с его составными частями: как неделимую или же сложную вещь?

Следует отметить, что наука в данном случае склоняется к тому, что объект культурного наследия является сложной вещью — разнородными вещами, составляющими единое целое. При этом ряд авторов отмечают схожесть объекта культурного наследия с предпрятием как имущественным комплексом. Так, например, А.А. Джамбатов видит различие между отнесением объекта культурного наследия к имущественному комплексу или сложной вещи в наличии в составе имуще-

ственного комплекса нематериальных объектов гражданских прав (права и долги, наименование). К сложным вещам относит и памятник (статую), поскольку считает, что данный объект имеет прочную связь с землей, таким образом, объединяет в своем составе различные вещи (земля и сам памятник) и предлагает ввести новое понятие «сложная недвижимая вещь». Существенным отличием от имущественного комплекса ученый называет отсутствие у сложной недвижимой вещи, долгов и наименования. При этом остается не рассмотренным вопрос о том, что в силу ст. 134 ГК РФ оборот сложной вещи распространяется на все входящие в ее состав вещи, хотя ГК РФ предусматривает возможность отдельного оборота земельного участка от недвижимого объекта, находящегося на нем. При этом указанные нормы являются коллизионными по отношению к нормам Земельного кодекса РФ³, который в свою очередь закрепляет единство судьбы земельного участка и недвижимой вещи, чему следует и правоприменительная практика. Как отмечает А.А. Джамбатов «... объект культурного наследия, по мысли законодателя, а так же в силу простой логики, следует признать объектом недвижимости, в составе имущества которого выделяются связанные единой целью и юридической судьбой недвижимые (земля, строения) и движимые (произведения живописи, мебель, ювелирные изделия) вещи...», что указывает на формулировку определения объекта культурного наследия только с точки зрения его состава, а затем уже классификации объекта культурного наследия с точки зрения возможности выступать в качестве субъекта обязательственных прав (наличие (у объекта культурного наследия) нематериальных объектов гражданских прав). Также, по мнению А.А. Джамбатова, возможна «трансформация» сложной вещи в имущественный комплекс, при этом, не учитывая иные категории и характеризующие данный вид объектов гражданских прав, а также, возможность обратной «трансформации» из имущественного комплекса в недвижимую вещь. «Большинство объектов культурного наследия, зарегистрированных в качестве федеральных, региональных, муниципальных, представляют собой не имущественные комплексы, а именно, сложные недвижимые вещи: здания, сооружения, образцы военной техники, скульпту-

³ Земельный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 25 окт. 2001 г. № 136-ФЗ // СЗ РФ. — 2001. — № 44 — Ст. 4147.

ры, установленные на обособленных участках земли» [5, с. 27-35, с. 65, с. 69].

Это соответствует логике ст. 134 ГК РФ, ст. 3 Закона об объектах культурного наследия и п. 2 Инструкции о порядке учета, обеспечения сохранности, содержания, использования и реставрации недвижимых памятников истории и культуры⁴ — использование памятника истории и культуры предполагает использование его совместно со связанными с ним произведениями живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, объектами науки и техники и иными предметами материальной культуры по общему назначению. Таким образом, объекты культурного наследия являются сложными вещами, т. е. выступают в обороте как единый объект и его раздел невозможен без изменения их историко-культурного облика.

Известно, что ст. 133.1 в ГК РФ Федеральным законом «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» от 02 июля 2013 г. № 142-ФЗ⁵ с целью усовершенствования оборота недвижимых вещей было введено новое понятие — единый недвижимый комплекс, к которому могут быть отнесены объекты, отвечающие одному из следующих признаков — либо объединенные единым назначением зданий, сооружений и иных вещей, неразрывно связанных физически или технологически, либо расположенные на одном земельном участке, если в ЕГРН зарегистрировано право собственности на совокупность указанных объектов в целом как одну недвижимую вещь.

Объекты культурного наследия не могут являться объектами неразрывно связанными физически или технологически, поскольку состоят, как правило, не только из недвижимого имущества, но и из движимых культурных ценностей, не имеющих технологических связей. Соответственно для отнесения их к единому недвижимому комплексу необходимо, что бы они были расположены на одном земельном участке с зарегистрированным правом собственности на одну вещь.

⁴ Инструкция о порядке учета, обеспечения сохранности, содержания, использования и реставрации недвижимых памятников истории и культуры : утв. приказом Минкультуры СССР от 13 мая 1986 г. № 203 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : федер. закон от 02 июля 2013 г. № 142-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

Согласно разъяснениям Росреестра⁶ в ст. 133.1 ГК РФ отсутствует норма, согласно которой единый недвижимый комплекс и находящийся под ним земельный участок являются одним объектом (т. е. земельный участок является частью единого недвижимого комплекса); единый недвижимый комплекс не является сложной вещью, к единым недвижимым комплексам согласно ст. 133.1 ГК РФ применяются правила о неделимых вещах (со всеми вытекающими из этого правовыми последствиями; соответственно впоследствии единый недвижимый комплекс не может быть разделен (преобразован иным способом) на самостоятельные объекты недвижимости).

С точки зрения юридической науки понятия «сложная вещь» и «единый недвижимый комплекс» вызывают не мало дискуссий. Так, В. А. Белов полагает, что «... имущественные комплексы не относятся к числу физически осязаемых материальных благ, т. е. не являются вещами» [2, с. 650]. Данная позиция, на наш взгляд, очень спорная, поскольку к вещам могут быть отнесены не только материальные предметы, но и иные блага, которые могут участвовать в гражданском обороте. По нашему мнению, имущественные комплексы отвечают всем признакам вещей.

В свою очередь, В.А. Алексеев отмечает, что «... сложная вещь существует как единый объект независимо от желания правообладателя рассматривать ее в качестве таковой, а единый недвижимый комплекс формируется на основании волеизъявления правообладателя. Части сложной вещи легко приобретают качества оборотоспособности объектов недвижимости — для этого необходимо физически прекратить связь между этими частями. Тем самым сложная вещь в качестве отдельного объекта гражданских прав уничтожается» [1, с. 152].

Для определения места памятников истории и культуры в системе объектов гражданских прав, необходимо обратиться и к нормам специального законодательства, которое создает и определяет правовые параметры и границы вещи, обладающей определенным правовым режимом, для конкретных целей правового регулирования.

Если рассмотреть подход к определению объектов культурного наследия, сложившийся в международном праве, то можно отметить, что дефиниции, связанные с культурными

⁶ Об оформлении прав на единый недвижимый комплекс : письмо Росреестра от 05 марта 2014 г. №14-исх/02410-ГЕ/14 // СПС «КонсультантПлюс».

ми ценностями (в том числе объектами культурного наследия), всегда указываются в целях конкретной Конвенции, Рекомендации или Декларации. Так, например, Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия⁷, разделяя культурное и природное наследие, понимает под первым памятники, ансамбли, достопримечательные места, раскрывая их путем перечисления тех объектов, которые к ним относятся. Аналогичная ситуация сложилась и с дефинициями, содержащимися в Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта⁸, Рекомендациях о международном обмене культурными ценностями⁹, а также в других международных законодательных актах.

Под объектами культурного наследия в Основах законодательства Российской Федерации о культуре¹⁰ понимаются: культурные ценности, культурное наследие и достояние народов РФ.

В Законе об объектах культурного наследия, к памятникам истории и культуры относятся объекты археологического наследия (включая все связанные со следами существования человека в прошлых эпохах археологические предметы и культурные слои), памятники, ансамбли, достопримечательные места. При этом из понятий данных терминов следует, что памятники, ансамбли и достопримечательные места могут так же являться и объектами археологического наследия.

Для отнесения вещи к объекту культурного наследия необходимо проведение ряда мероприятий, направленных на выявление и учет такого объекта, которые могут быть проведены как в соответствии с государственными целевыми программами охраны объектов культурного наследия, так и на основании рекомендаций физических и юридических лиц. Как правило, выявление объектов культурного наследия происходит в процессе мониторинга и историко-культурных исследований объектов недвижимого имущества при проведении землеустроительных, земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных и иных работ в непосредственной близости от

объекта или с объектом. А включение объекта культурного наследия в единый государственный реестр объектов культурного наследия происходит после проведения государственной историко-культурной экспертизы, на основании заключения которой определяется категория историко-культурного значения объекта культурного наследия и устанавливаются требования к сохранению, охране, использованию объекта культурного наследия. Исключения составляют объекты археологического наследия, которые считаются выявленными со дня их обнаружения.

В случае принятия федеральным органом государственной власти и органом государственной субъекта федерации решение о присвоении объекту статуса памятника истории и культуры сведения о нем вносятся в единый государственный реестр объектов культурного наследия, являющийся основным источником, содержащим информацию о памятниках истории и культуры.

В соответствии со ст. 4 Закона об объектах культурного наследия объекты культурного наследия могут быть отнесены к одной из следующих категорий историко-культурного значения:

- объекты культурного наследия федерального значения;
- объекты культурного наследия регионального значения;
- объекты культурного наследия местного (муниципального) значения.

Помимо указанных категорий Закон об объектах культурного наследия разделяет памятники истории и культуры на объекты, обладающие признаками объектов культурного наследия (объекты, представляющие собой историко-культурную ценность); выявленные объекты культурного наследия облик, интерьер и особенности которого описаны в заключении историко-культурной экспертизы; особо ценные объекты культурного наследия народов Российской Федерации; объекты культурного наследия, включенные в список Всемирного наследия.

Объекты культурного наследия федерального значения могут быть отнесены к особо ценным объектам культурного наследия народов РФ и включены в Государственный свод особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации (депозитарием которого является Министерство Культуры РФ)¹¹ на осно-

⁷ Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия (Париж, 16 нояб. 1972 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (Гаага, 14 мая 1954 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Рекомендация о международном обмене культурными ценностями (Найроби, 26 нояб. 1976 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Основы законодательства Российской Федерации о культуре : утв. ВС РФ 09 окт. 1992 г. № 3612-1) // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Об утверждении Положения о Государственном своде особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 06 окт. 1994 г. № 1143 // СПС «КонсультантПлюс».

вании Указа Президента РФ. При этом в целом, порядок включения и исключения памятника истории и культуры из Государственного свода особо ценных объектов культурного наследия происходит в соответствии с общей процедурой, предусмотренной для всех объектов федерального значения, согласно ст. 22 и 23 Закона об объектах культурного наследия.

Следует отметить, что памятник истории и культуры федерального значения, включенный в реестр и список Всемирного наследия, признается особо ценным объектом культурного наследия народов РФ в первоочередном порядке.

Категории историко-культурного значения, присваиваются объектам культурного наследия историко-культурной экспертизой, на основании историко-архитектурной, художественной, научной и мемориальной ценности объекта.

Указанное видовое деление объектов культурного наследия имеет значение применительно к гражданскому праву, поскольку объекты таких категорий историко-культурного значения, как объекты культурного наследия, отнесенные к особо ценным объектам культурного наследия народов РФ, памятникам и ансамблям, включенным в список Всемирного наследия, историко-культурным заповедникам, объектам культурного наследия, предоставленным в установленном порядке государственным музеям-заповедникам, объектам археологического наследия, не могут находиться в частной или муниципальной собственности (не подлежат отчуждению из государственной собственности). При этом на такие объекты могут быть переданы права пользования. Основанием передачи указанных прав может быть договор, акт государственного органа или же судебное решение.

На объекты культурного наследия остальных категорий историко-культурного наследия могут возникать все виды вещных прав по аналогии с остальным недвижимым имуществом, т.е. в том числе и в результате приобретения права собственности.

Вещные права на объекты культурного наследия отличает от вещных прав в отношении иных недвижимых вещей дополнительное обременение в виде охранного обязательства, которое накладывается на всех владельцев любых вещных прав с момента приобретения до момента их отчуждения. В охранном обязательстве содержится порядок и условия использования памятников истории и культуры, условия доступа к нему граждан, порядок и срок проведения реставрационных, ре-

монтных и иных работ по сохранению объекта культурного наследия, форма которого утверждена Приказом Минкультуры СССР от 13 мая 1986 г. № 203 «Об утверждении Инструкции о порядке учета, обеспечения сохранности, содержания, использования и реставрации недвижимых памятников истории и культуры»¹². Указанные в охранном обязательстве требования устанавливаются государственными органами охраны памятников для каждого памятника индивидуально и являются ограничениями (обременениями) права пользования данным объектом.

Таким образом, классификация объектов культурного наследия с точки зрения их оборотоспособности имеет ряд особенностей. Как отмечает В.А. Белов, «... если гражданский оборот представляет собой совокупность юридических действий, прежде всего сделок, то его никак нельзя сводить к обороту экономическому — обороту самих материальных и нематериальных благ (ценностей), который выражается в совокупности, фактических отношений» [2, с. 278-279]. Если придерживаться данной позиции, то объекты культурного наследия можно разделить на два основных вида — объекты, полностью включенные в гражданский оборот, и объекты, ограниченные в гражданском обороте. В свою очередь, ограничение объектов в обороте может происходить различными способами, но в целях сохранения объекта культурного наследия для будущих поколений в первоизданном виде или максимально приближенном к таковому и реализации конституционного права граждан на доступ к культурным ценностям.

Согласно проведенному исследованию, можно сделать вывод что объекты культурного наследия с точки зрения определения их места в системе объектов гражданских прав являются вещами недвижимыми по природе, прочно связанными с землей, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно и обладают особым правовым режимом, который вытекает из специфики объектов культурного наследия, поскольку они сочетают в себе как материальные, так и иные блага, являясь ценностью не только как недвижимые вещи, но и как историко-культурный объект, что в свою очередь отражается в дополнительных обременениях владельцев вещных прав на данные объекты, со-

¹² Инструкция о порядке учета, обеспечения сохранности, содержания, использования и реставрации недвижимых памятников истории и культуры : приказ Минкультуры СССР от 13 мая 1986 г. № 203 // СПС «КонсультантПлюс».

ПОЛЕЗНОЕ

УДК 34.03
ББК 342

Э.И. Девицкий,
*Иркутский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России)
Иркутск, Российская Федерация*

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.02: СТАТИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ТЕМАТИКИ И КОЛИЧЕСТВА ДИССЕРТАЦИОННЫХ РАБОТ, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ К ЗАЩИТЕ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог : журнал о праве / Prologue : Law Journal. — 2018. — № 4.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2018.4.7.
Дата поступления: 18.12.2018.

АННОТАЦИЯ

Освещаются результаты исследования объявлений о защите диссертаций по специальности «12.00.02 — конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право» за период с 01.01.2016 по 12.12.2018 гг. Анализ информации, размещенной на сайте ВАК, позволил определить количественные и качественные показатели, характеризующие весь массив представленных к защите диссертаций по названной специальности. Проанализирована тематика диссертационных исследований отдельно по каждой дисциплине, отмечены направления, по которым наиболее часто проводятся научные исследования. Обращено внимание на высокий процент исследований компаративистской направленности, проведен анализ стран, законодательство и доктрина которых изучаются в диссертациях по специальности 12.00.02.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Статистика защит диссертаций, конституционное право, конституционный судебный процесс, муниципальное право, 12.00.02.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ

Девицкий Э.И. Специальность 12.00.02: статистическое исследование тематики и количества диссертационных работ, представленных к защите // Пролог: журнал о праве / Prologue: Law Journal. — 2018. — № 4.

E.I. Devitskii,
*Irkutsk Institute (Branch)
All-Russian State University of Justice*

SPECIALTY 12.00.08: A STATISTICAL STUDY OF SUBJECT MATTERS AND THE NUMBER OF DISSERTATIONS PRESENTED TO DEFENCE

PUBLICATION DATA

Prologue: Law Journal. — 2018. — № 4.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2018.4.7.
Submission date: 18.12.2018.

ABSTRACT

The article presents the data obtained as a result of analytical research of announcements of dissertations in the specialty 12.00.02 (constitutional law; constitutional litigation; municipal law) in the period from 01.01.2016 to 12.12.2018. The authors analyze the information posted on the website of Higher Degree Commission allowed to determine the quantitative and qualitative indicators that characterize the entire array of dissertations submitted to defence in the named specialty. The author analyzes the subject matters of dissertation research separately for each discipline and notes the directions in which researches are most often carried out.

KEYWORDS

Dissertation defence statistics; constitutional law; constitutional litigation; municipal law; 12.00.02.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Devitskii E.I. Specialty 12.00.08: a statistical study of subject matters and the number of dissertations presented to defence // Prologue: Law Journal. — 2018. — № 4.

Ранее проведенное статистическое исследование, опубликованное на страницах нашего журнала¹, продемонстрировало, что специальность 12.00.02 находится на третьем месте по «популярности», исходя из числа объявлений о защите, размещенных на официальном сайте ВАК².

Данное исследование проведено с целью систематизации и доведения до юридической общественности более детальной информации, отражающей количество и тематику защищаемых диссертаций по специальности 12.00.02, а также статистику выбора направлений научных исследований по отдельным научным дисциплинам, образующим данную специальность

Хронологические рамки исследования определены следующим образом: анализу были подвергнуты объявления о защитах диссертаций, размещенные на сайте ВАК с 1 января 2016 по 12 декабря 2018 года (момент начала подготовки данного статистического исследования). Такие рамки позволяют продемонстрировать динамику защит за три последних года. Кроме того, при подсчете и анализе объявлений о защитах, была предпринята попытка сократить погрешность в результатах, устранив из подсчета повторяющиеся объявления, поэтому наши

итоговые цифры могут незначительно различаться с ранее приведенными результатами³.

Полученные статистические результаты разделены на два блока.

Первый — количество защит по специальности 12.00.02 в целом и по отдельным научным дисциплинам «внутри» специальности.

Второй — тематика защищаемых диссертаций по отдельным научным дисциплинам.

Всего по специальности 12.00.02 за обозначенный период размещено 176 объявлений о защите докторских и кандидатских диссертаций. В 2016 году — 67 объявлений, в 2017 году — 65 объявлений, в 2018 году — 44 объявления.

Тенденция к снижению числа объявлений о защитах обусловлена сокращением числа диссертационных советов, принимающих к защите работы по специальности 12.00.02, а также ужесточением политики ВАК в отношении деятельности самих диссертационных советов и работ, принимаемых ими к защите.

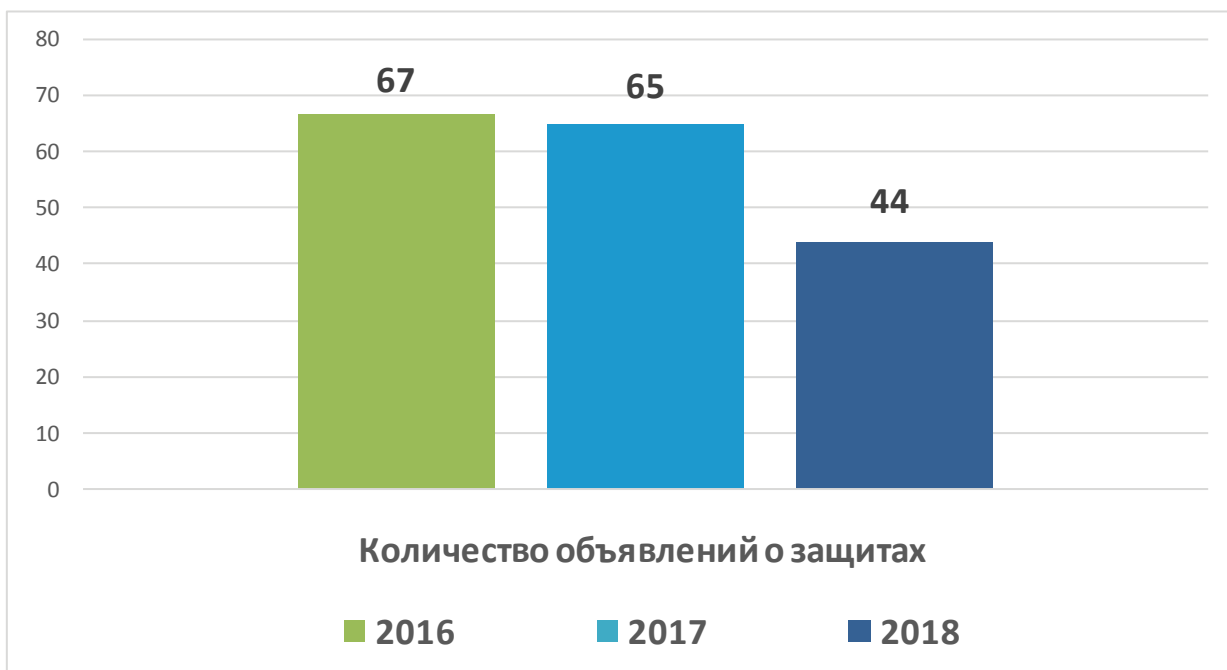
Общие количественные данные за каждый год обозначенного периода выглядят следующим образом (диаграмма 1).

¹ Ушакова А.П. Сколько диссертаций защищается по юридическим наукам? (статистическое исследование) // Пролог: журнал о праве. — 2017. — № 3. — С. 51

² Сайт ВАК. Режим доступа: <http://vak.ed.gov.ru/> (дата обращения: 12.12.2018 г.).

³ В дальнейшем при упоминании о количестве защит диссертационных работ, имеется в виду количество объявлений о защитах. Ряд защит не состоялся, однако их темы, как минимум, заявлялись для защиты, а значит были утверждены, прошли обсуждение на кафедрах и получили определенную поддержку научного сообщества.

(диаграмма 1)

Из 176 объявлений, размещенных на сайте ВАК, 6 объявлений информируют о предстоящей защите докторских диссертаций, 170 — кандидатских диссертаций. Таким образом, общий процент докторских диссертаций за исследуемый период составляет всего 3,4 %.

Динамика общего сокращения количества защит не характерна для докторских диссертаций. Так, в 2016 году было размещено 1 объявление о защите докторской диссертации, что со-

ставляет 1, 49 % от общего числа диссертаций в данном году; в 2017 году было размещено 2 объявления, что составляет 3,07 % от общего числа диссертаций в данном году; в 2018 году было размещено 3 объявления, что составляет 6,81 % от общего числа диссертаций в этом году.

Соотношение количества кандидатских и докторских диссертаций по каждому году может быть представлено следующим образом (диаграмма 2).

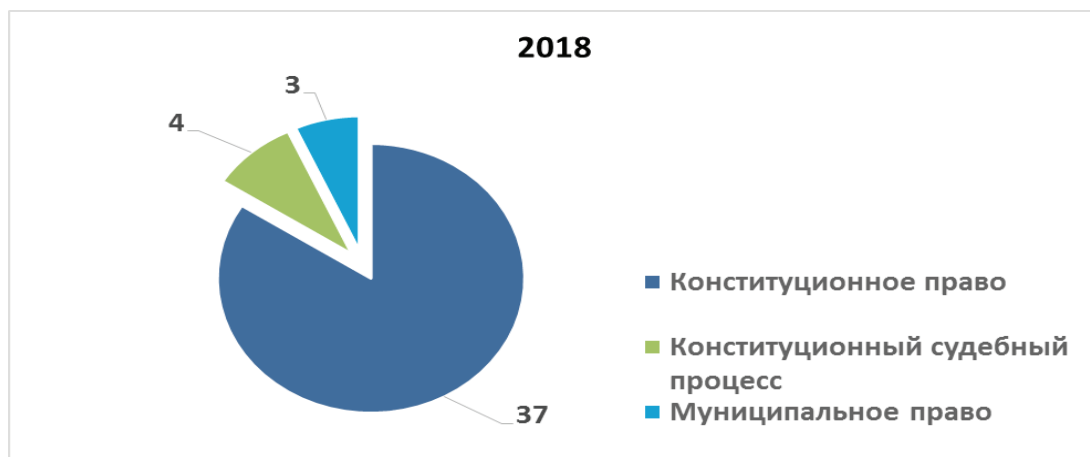
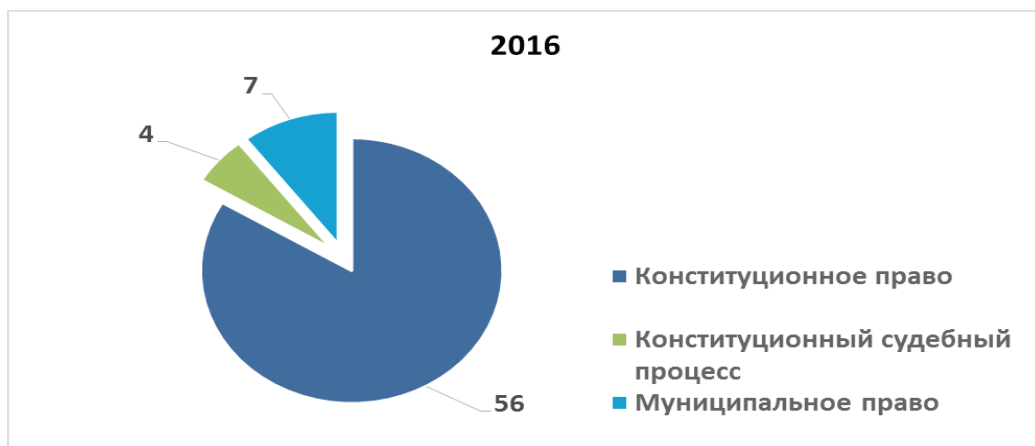

(диаграмма 2)

Необходимо отметить, что согласно данным, размещенным на сайте ВАК, за исследуемый период из 176 диссертаций 7 не были успешно защищены по различным причинам. Так, в 2016 году 3 диссертационных исследования, объявленных к защите, были сняты с рассмотрения. В 2017 году одному диссертанту отказано диссертационным советом в присвоении ученой степени, и одна работа была снята с рассмотрения. В 2018 году по аналогичной причине не защищены 2 диссертации.

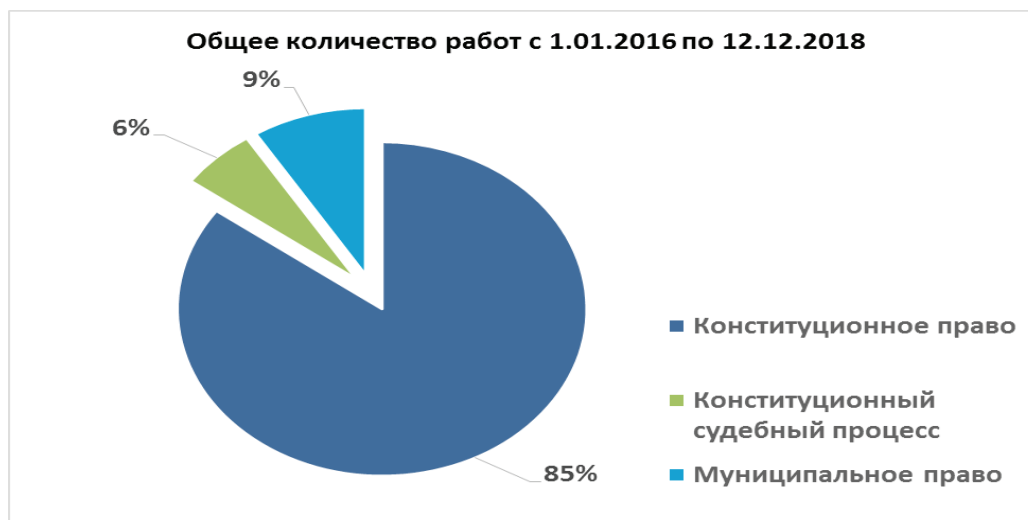
Переходим к цифрам в рамках отдельных дисциплин специальности 12.00.02, конституционное право, конституционный судебный процесс, муниципальное право.

Количественное соотношение работ, представленных к защите по специальности 12.00.02 по годам и по отдельным научным дисциплинам, продемонстрировано в следующих диаграммах (диаграмма 3).

(диаграмма 3)

Как видно из приведенных диаграмм, из общего количества защит (176 работа) 150 защит приходится на конституционное право, 10 – на конституционный судебный процесс, 16 – на муниципальное право. В процентном соотношении это выглядит следующим образом (диаграмма 4):

(диаграмма 4)

За период с 1 января 2016 по 12 декабря 2018 года всего было размещено 6 объявлений о защите докторских диссертаций, из них: по конституционно-правовой тематике – 5, по муниципальному праву – 1. Если проанализировать показатели по каждому году, то получится следующая картина. В 2016 году была размещена 1 работа по проблемам деятельности органов по содействию правам человека и их защите. В 2017 году обозначено 2 темы: «Принцип социальной солидарности в конституционном праве» и «Конституционно-правовые основы конструктивного протеста». В 2018 году тематика докторских диссертаций представлена двумя направлениями: в рамках муниципального права – «Корпоративная модель местного самоуправления: генезис, опыт реализации на примере Канады и его применимость в российских условиях», и конституционного права – «Нормы конституционного права в системе правового регулирования Российской Федерации», «Социальность государства: зарубежный опыт конституционно-правового обеспечения».

Рассмотрим статистические результаты анализа тематики защищаемых диссертаций по отдельным научным дисциплинам, относящихся к специальности 12.00.02.

Наибольшее количество диссертационных исследований проведено по конституционному праву. Обширную тематику работ по данной на-

Завершая представление информации по общему количеству защит в рамках специальности 12.00.02 за выбранный период, предложим данные о разделении по отдельным дисциплинам тем кандидатских и докторских диссертаций.

учной дисциплине можно условно разделить на несколько блоков.

В зависимости от того, российское или зарубежное конституционное законодательство является предметом исследования, тематику диссертаций условно можно разделить на три блока: российское конституционное право (116 работ); конституционное право зарубежных стран (12 работ). сравнительно-правовые исследования (22 работы).

Таким образом общий процент работ компаративистской направленности по конституционному праву довольно высок и составляет почти 23 % от общего числа диссертационных исследований по данной научной дисциплине.

Статистический анализ работ компаративистской направленности позволил определить регионы и страны, конституционное законодательство которых становились предметом исследования ученых за исследуемый период (таблица 1). При этом упоминание тех или иных стран может не совпадать с общим количеством работ, поскольку в одной работе может быть отсылка к нескольким странам одновременно, а в 4 работах нет ссылки на конкретные страны, а используются обороты: в зарубежном праве или сравнительно-правовое исследование.

Наиболее популярные тематические блоки в рамках научной дисциплины «Конституционное право» представлены в таблице 2.

Таблица 1

<i>Регион/страна</i>	<i>Количество работ</i>
Страны Европейского Союза (отдельно упоминаются Бельгия, Венгрия, Германия, Италия, Испания, Польша, Франция)	11
Великобритания	2
США	5
Страны СНГ (в т.ч., Армения, Абхазия, Беларусь, Казахстан, Таджикистан)	9
Китай	1
Филиппины	1

Таблица 2

<i>Тематика работ</i>	<i>Количество работ</i>
Основы российского конституционализма	38
Права и свободы человека и гражданина, гарантии их реализации	41
Специализированные уполномоченные по правам человека	7
Правовой статус федеральных и региональных органов государственной власти	16
Конституционное право зарубежных стран	12

Среди разнообразия тем диссертаций по различным аспектам российского конституционализма можно выделить несколько тематических блоков.

Так, предметом исследования нескольких диссертаций стали проблемы обеспечения политического плюрализма (политическое многообразие, конституционно-правовые основы политической конкуренции, конституционно-правовые споры в процессе создания и деятельности политических партий).

В рамках диссертационных исследований, посвященных принципам конституционного права, проанализированы особенности реализации принципов недискриминации, равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от состояния здоровья, социальной солидарности, открытости органов государственной власти, тайного голосования, гласности правосудия и несменяемости судей.

Отдельные аспекты избирательного права, избирательной системы Российской Федерации нашли отражение в диссертационных исследованиях по вопросам конституционно-правового статуса Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, избирательных комиссий субъектов федерации и участковых избирательных комиссий, срокам в избирательном праве, недействительности выборов.

Ряд диссертаций посвящен актуальным проблемам обеспечения качества конституционно-правового регулирования

(осуществление права законодательной инициативы, правовые пробелы в механизме конституционного обеспечения прав и свобод, конституционно правовые коллизии, антикоррупционная экспертиза законодательных актов (их проектов), экспертное сопровождение законодательной деятельности).

Тематику диссертаций по вопросам закрепления прав и свобод человека и гражданина, проблемам их реализации, также можно условно разделить на несколько блоков. Часть работ посвящена отдельным правам (право на жизнь, на участие в управлении делами государства, на гражданство, на реабилитацию, на судебную защиту, на неприкосновенность частной жизни, на доступ к объектам культурного наследия, на информацию, на труд, на социальное обеспечение, на частную собственность, на судебную защиту, на протест, на обращение в органы государственной власти, на благоприятную окружающую среду, на среднее профессиональное образование, на равный доступ к государственной службе, на объединение) и свободам (свобода общественного мнения, собраний, предпринимательства, преподавания и научного творчества) а также конституционно-правовым ограничениям.

Отдельно можно выделить диссертационные исследования по проблемам реализации и защиты избирательных прав граждан (информирование избирателей, новые технологии голосования, судебная защита избирательных прав).

ПРОЛОГ:

Темами 7 диссертационных исследований стали проблемы функционирования института специализированных уполномоченных по правам человека, по защите прав предпринимателей, по правам ребенка в Российской Федерации, субъектах Российской Федерации и за рубежом.

Предметом для анализа в 16 диссертационных исследованиях являются отдельные аспекты организации и деятельности, а также взаимодействия федеральных и региональных органов государственной власти. Из них 7 посвящено организации и деятельности федеральных, а 5 — региональных органов государственной власти. Также заслуживают внимания работы по, парламентскому контролю за деятельностью полиции, институту делегирования в конституционной системе власти, конституционно-правовому механизму обеспечения правопорядка органами публичной власти.

По дисциплине «Муниципальное право» за исследуемый период подготовлено 16 диссертационных исследований. Тематика работ разнообразна и охватывает как общие вопросы организации местного самоуправления (реформирование муниципального права, муниципально-правовая реформа, формы участия населения в местном самоуправлении, источники муниципального права, принцип учета исторических и иных местных традиций в организации местного самоуправления, административно-правовые способы обеспечения законности в деятельности органов местного самоуправления, территори-

альные основы местного самоуправления), так и отдельные вопросы деятельности органов местного самоуправления (муниципальный правотворческий процесс, нормоконтроль в сфере местного самоуправления, муниципальная инвестиционная деятельность, управление муниципальным имуществом и местным бюджетом, реализация полномочий в сфере жилищно-коммунального хозяйства, автотранспортного обслуживания населения).

Две работы посвящено исследованию организации местного самоуправления в зарубежных странах (Канада и Республика Ирландия).

Наименьшее число диссертационных работ защищается по дисциплине «Конституционный судебный процесс» — всего 10 за почти три года. При этом более половины работ, тематика которых посвящена функциям Конституционного Суда Российской Федерации, связанным с защитой прав и свобод человека и гражданина, а также конституционно-контрольному нормотворчеству, по своему содержанию связаны и с конституционным правом. Исключительно конституционному судебному процессу уделено внимание только в четырех работах, в рамках которых исследуются вопросы соотношения практики конституционного правосудия и арбитражной судебной практики, доказывания и доказательств в конституционном судебном процессе, роли аппарата органов конституционной юстиции в его обеспечении, а также оказания квалифицированной юридической помощи в конституционном судебном процессе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ушакова А.П. Сколько диссертаций защищается по юридическим наукам? (статистическое исследование) // Пролог: журнал о праве. — 2017. — № 3. — С. 49–55.

REFERENCE

1. Ushakova A.P. How many dissertations are being defended in jurisprudence? [Skol'ko dissertacij zashchishchaetsya po yuridicheskim naukam? (statisticheskoe issledovanie)]. Prolog: zhurnal o prave. 2017. Issue 3. Pp. 49–55. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Девицкий Эдуард Иванович (Иркутск) — кандидат юридических наук, доцент, начальник отдела научных исследований Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), (664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4, e-mail: irf@rpa-mjust.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Devitskii, Eduard Ivanovich — PhD in Law, Ass. Professor, Head, Department of Scientific Researches, Irkutsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice. (Nekrasov st., 4, 664011, Irkutsk, e-mail: irf@rpa-mjust.ru).

ПРОЛОГ:

ЖУРНАЛ О ПРАВЕ /

PROLOGUE:

LAW JOURNAL